

B. A. Дмитриев

**Личность в изменяющемся социокультурном
окружении. Черноморские шансуги:
от традиционного социопа к современному**

Рассмотрение позиции личности в небольшом социуме, или этносе небольшой численности, или малочисленной этнической группе имеет свои преимущества и сложности, примерно равные по силе. Она вытекают из следующего: чем менее численность группы, тем более значительна роль отдельных составляющих ее элементов, но и более значительны и важны групповые ограничения и установки, регулирующие поведение всех членов общности. Этнические общности, справедливо относимые к наиболее консервативно-традиционным социальным организмам, остаются таковыми в той степени, в какой продуцируют идентичность культуры и сознания входящих в нее людей. Собственно же социальные связи этноса, определяющие синхронную деятельность членов этнического объединения, конструируются как согласно цивилизационно-стадийному положению этноса, так и той системе, в которой этнос существует в географическом, социальном или политическом пространстве¹.

О единстве социокультурных связей, определяющих положение и поведение члена этноса, в полной мере можно говорить только относительно замкнутых, автarktических и культурно-изолированных этносов, существование которых антисовременно и гипотетично. Если же говорить о настоящем, понимая его как часть Нового времени (включая индустриальную и постиндустриальную эпохи), то для каждого этноса существует в различной степени своя ниша, образованная как элемент социальной общности более высокого порядка. По отношению к этносу такая общность составляет так называемое «большое общество»². Правила существования в нем оказывают сильнейшее воздействие на структуру общественных отношений между членами этноса. В свою очередь, этнические правила культуры и поведения, создающие основу несходства этноса с другими такими же составляющими «большого общества», являются механизмами формирования этнокультурного своеобразия и в рамках тра-

¹ Этничность. Национальные отношения. Социальная практика: Сб. / Под. ред. В. Дресслер-Ходзак, Н. Г. Саворин, К. Н. Хаббузин. СПбГУ, 1995.

² Гайдзинская К. С. Введение в геополитику. М., 1997. С. 298–338.

диции формируют импульсы, корректирующие установки социальной интерактивности внешнего прохождения. Для этноса, входящего в какуюлибо систему (от региональной и государственной общности до планетарной), установки этносоциального поведения возможно рассматривать как обратные связи в устройстве, получающем из объемлющей системы основной энергетический поток или регулирующие информационные сигналы. Согласно самым общим положениям кибернетики, субсистема, неспособная создавать обратные связи, прекращает свое существование и может в таком виде только затруднить жизнедеятельность всего устройства.

В том случае, если обратные связи оказываются слишком сильными, происходит усиление прямых связей, предполагающее три варианта развития взаимодействия. В первом — прямые связи подавляют обратные и «большую систему» усиливает однородность, проникая на уровне ниже того, на котором она собственно и существует. Как правило, такой вариант взаимодействия энергетически сильно затратен. Во втором варианте малая система отделяется от большой, в третьем форсируется образование другой системы связей, в которой создаются их иные контуры, сохраняющие большую систему.

Во всех трех случаях, составляющих варианты освободительного движения малых систем, их элементы несут особо сильные нагрузки, проходя испытания на то, к какому виду связей они наиболее чутки. То же самое происходит, когда большая система начинает усиливать давление на малую, тем самым стимулируя усиление обратных связей. Таким образом, изменение напряжения вся система испытывает тогда, когда социальная структура этноса формируется в соответствии с нормами, принятыми в «большом обществе», но откорректированными собственными соционормативными установками. Вторжение же в сферу этнической культуры со стороны «большого общества» происходит на возможном минимальном уровне и не провоцирует усиления национальных чувств. Естественно, что речь в данном случае может идти только об идеальной модели позиции этноса. Индивиды при таком состоянии этнокультурной среды обладают максимальными возможностями для выбора, казалось бы, мотивами руководствоваться в социальном поведении, эндогенным или экзогенным. Между тем именно проявление свободы выбора входит крайугольным камнем в концепцию личности, различие в подходах сводится к пониманию личности как индивида, выделяющегося поступками из общества (европейская традиция философии) или формирующего сложный внутренний духовный мир (восточная философская традиция). В рамках современного диалектического подхода личностью признается личность достигающий максимума социализации и индивидуализации³. Исходя из этого, личностью в этносе является человек, призывающий этническую ценность своего народа, не нарушающий процесса трансмиссии этичес-

ских традиций, однако в социальном поведении способный к выбору между нормами собственного социума и «большого общества», между установками традиционной соционормативной культуры этноса и установками урбанистического общества. Так личность становится активным участником процессов адаптации меняющегося социального мира. Понятие свободы выбора является определяющим приложением одной части концепции личности в этносе. Вторую половину составляет положение о личности как индивиде, наиболее адекватно в своем поведении исполняющим господствующие установки этнической культуры и в силу этого играющим в собственной среде заметную и значительную роль. В данном случае концепция личности близка к той, которая существует при поиске «модальной» или «базовой личности» в этносе⁴.

В истории сложения современного типа личности народов Северного Кавказа распространение урбанизма проходило в тот же период, что и интеграция в российское «большое общество». Все процессы, происходившие с социальной организацией и культурой горских народов Кавказа, обретают иную специфику с момента их включения сначала в сферу российского активного воздействия, а затем и российского государственного механизма. Относительно народов Северного Кавказа, особенно подвергшихся резкому изменению образа жизни и экологии, целесообразно говорить о двух видах социально-исторического организма (социума⁵), дороссийского и российского времени, и о специфике этнической культуры, выполняющей функцию, в том числе и преодоления различия между стабильными видами социума. Применительно к современности, понимая ее как временное явление, синхронное настоящему, можно говорить о социуме любого народа России как социуме российского типа с соответствующим уровнем урбанизации способом поддержания идентичности этноса, при том, что этническая культура, адекватно времени, способна обеспечить культурное своеобразие и преемственность этнических традиций. При этом в области этнического сознания создаются два вида предписаний, какими должны быть условия современного существования социума и какими должны быть паттерны мышления и действия, в том числе для преодоления разрыва между состояниями социума в настоящем и прошлом. Для личности, принадлежащей к народам Северного Кавказа, природная среда, система жизнеобеспечения и социальные отношения являются продуктом истории второй половины XIX и всего XX в. В результате нормативная и ценностная сферы сознания формируют установки сегодняшней идентичности в целях преодоления различия между современным социумом и его предшественником дороссийского периода.

Черноморские шаштуны являются одним из наиболее модернизированных народов России и наиболее претерпевших изменения в образе

³ Платонов Ю. П., Борисова А. О., Пачебут Л. Г. и др. Высокое в этнической психологии: Учеб. пособие / Под ред. Ю. П. Платонова. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1991. С. 66–83.

⁴ Токарев С. А. История зарубежной этнографии. М., 1978; Каракум С. Н. Вопросы этнографии в трудах зарубежных авторов. М., 1978.

⁵ Семенов Ю. И. Социально-исторические организмы. Этносы, нации // Этнографическое обозрение. 1996. № 3. С. 3–13.

жизни по сравнению с прошлым. Фактически этнос начал другую жизнь по окончании Кавказской войны XIX в. Предпосылками современного состояния этноса были равнозначное демографической катастрофе падение численности этноса и изменение среди его обитания.

В первой половине XIX в. численность черноморских шапсугов оценивалась минимум в 60 000 чел. при общей численности шапсугов Черноморья и Прикубанья от 77 400 до 300 000 и даже, вместе с натухающими, до 470 000 чел.¹⁶ Сокращение албанского населения Кавказа и результат военных потерь, голода, болезней и выселения в Турцию по итогам Кавказской войны является одной из трагических страниц мировой истории¹⁷. Уменьшение численности черноморских шапсугов особо апеллировало. В 1872 г., когда фактически сложились послевоенные реалии, число адыгов в Черноморском округе составило всего 773 человека.¹⁸ Относительный прирост шапсугского населения имел место в период формирования общих признаков ныне существующей картины нахождения шапсугских аулов в конце XIX—начале XX в., но абсолютные его величины были впечатляюще малы. По данным российской статистики, альгов в Черноморском округе было в 1881 г. 1046 чел., в 1891 г. — 1726, в 1897 г. — 1938 чел.¹⁹ В 1925 г. шапсугов насчитывалось в Карпинском сельсовете — 1269, Кичмайском — 385, Красновалександровском — 1219, Псечуянском — 857, что в целом составляло 3730 чел.²⁰ По данным 1891 г., в отдельных шапсугских аулах находились:

Тхагаш	16 дворов	105 чел.
Малое Погуши	17 дворов	119 чел.
Пеобз	25 дворов	178 чел.
Большое Пегуши	42 двора	267 чел.
Красновалександровское	44 двора	317 чел.

Ольминский Г. Географо-статистическое обзорное земля, населенной народами Адыгеи // Тифлисские ведомости. 1829. № 22; Статья Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифlis, 1900. Т. 21. С. 94—95; Дальний У. Горы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. С. 77—79; Лах-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 203—210; Барберов И. Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // Адыги, балкары и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик, 1971. С. 356.

Дубровин М., Вересов А. П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. СПб. 1882. № 33; Фёдоров Р. А. Шестидесяти лет Кавказской войны // Собр. соч. СПб., 1889. Т. 1, ч. 1; Касумов А. Х., Каюзов Х. А. Генезис альгов. Майкоп, 1992; Эсадов С. История Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Майкоп, 1993; Берндин Н. История черкесов. Майкоп, 1996.

Вередагам А. В. Путевые заметки по Черноморскому округу. СПб., 1874. С. 66—69.

* Вередагам А. В. Исторический обзор колонизации Черноморского побережья Кавказа. СПб., 1898. С. 10; Кульман-Карлов А. Н. Черноморский округ. Военно-историческое описание. Тифлис, 1904. Ч. I, гл. IV, прил. III; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. СПб., 1901. Га. XX. С. 38.

¹⁶ Список населения мест Северо-Кавказского края за 1925 г. С. 386—387.

Кичмай	47 дворов	309 чел.
Карпинка (Агуль)	60 дворов	431 чел. ²¹

При такой численности каждое из селений не составляло социальной единицы, способной к самостоятельному независимому существованию, и было явно велико значение такой микросоциальной единицы, как двор, ставший базовым элементом этноса. Численность каждого двора, согласно приведенным данным, составляла от 5,9 до 7,2 чел. на одно хозяйствство, или $6,8 \pm 0,4$, при $p = 0,95$, что дает $V = 7\%$. Это позволяет считать, что на один двор приходилась семейная единица в составе ок. 7 чел., т. е. такая семья была или трех поколенческой или объединением двух братьев с женами и детьми. На семейную пару приходилось не менее 3 летей, что давало тот пространства, который соответствовал приведенным статистическим сведениям. Не имея необходимых данных о том, в какие ассоциации входили семейные группы, трудно судить о социальной организации шапсугов пореформенного периода, но отметим, что с внешним миром, который представлялся царская администрация, черноморские шапсуги контактировали, объединяясь в ограниченные большесемейные группы, связанные в селения.

Этнос, фактически уничтоженный русскими войсками, возрождался на этапе новой истории, соответствовавшем царскому времени российской истории шапсугов, в тесной связи с разрушающей его силой. Таковыми были социальные условия становления вторичной среды обитания черноморских шапсугов.

В дороссийский период существования шапсугов их социальные связи создавались на двух базовых принципах объединения — родственном при слиянии патронажной и так называемые братства и территориальном при привязке общин к долине горной реки.

По сведениям Хан-Гирея, крупнейшего историографа албанского прошлого, шапсуги и натухаевцы были крупнейшими черкесскими племенами, составлявшими основу Ахгутчине. Шапсугскую часть образовали роды: Кобле, Схапле и Севотов, натухаевскую — Натхко и Нетакло и присоединившиеся к ним «племя» Хюйде²². Были известны и другие схемы. По одной из них, шапсуги состояли из четырех единиц: Кобле, Схапле, Гоаго (Хюйде), Сооток (Севотов), а натухаевцы из трех: Натхко, Нетакло и Гуайе²³. По другой, у шапсугов было три части: Кобле, Схапле и Гоаго-Сооток, а у натухаевцев — Натхко, Нетакло и Гуайе, присоединившиеся позднее²⁴.

Шапсугский и натухаевский союзы состояли из дворянских и тфотских (крестьян, свободных общинников) родов. Свободные общин-

¹⁶ Полозиненко Т. В. Черкесы — боль моя. Майкоп, 1999. С. 186.

¹⁷ Лах-Гирей. Записки о Черкесии. С. 202—203.

¹⁸ Номайор Г. Географо-статистическое обозрение... № 22.

¹⁹ Логинов Л. Я. Общая вгляд на страны, занимаемые горскими народами, называемыми черкесами (адиге), абхазами (азга), и другими, смешанными с ними // Записки Кавказского отделения императорского Русского Географического общества. Тифлис, 1857. Кн. IV. С. 228. Далее — ЗБКИРТО.

ники-шапсуги были представлены 81 родом, объединенным в несколько собрательств или сопротяжеслии. Дворянских родов было пять. Собрательство Кобле, самое сильное в Шапсугии, в том числе Черноморской, включало 37 родов, к нему относились и три дворянских рода из группы Абате, ведущей среди дворян. Объединение Севотех-Хгояго включало 22 рода и ассоциировалось с дворянами Шеретлько (Шеретлуко). 22 рода входили в собрательство Схапете, к которому принадлежали дворянин рода Немеря. Сходная картина наблюдалась и в натухаевской половине общности, и у Гуайе. Всего в объединении Ахгутчине было 125 родов тфокотей, связанных четкой числовой структурой. По сведениям Л. Люлье, называется другое число — 130. Оно образовано из сложения и иного числового состава братств: Натхе — 29, Нетахо — 19, Кобле — 30, Схапете — 14, Гов-Соотех — 21, Гуайе — 17.

Доказанным фактом является инструментальность структуры шапсугов и натухаевцев, когда собрательства объединились и разделились для сохранения или обретения дуального принципа объединения всего общества. Венчим подобное было решение об объединении этих групп в конфедерацию (составляющую из двух ветвей), принятное на так называемом Адатумском собрании представителями адылзаков, шапсугов и натухаевцев¹³. Одну ветвь, воинов адылзаков, в другую шапсуги и натухаевцы. В каждой половине было установлено по восемь «родовых объединений».

Структуру Шапсугии, построенную на союзных-братьствах, дополняла ее территориальная организация. Но данные Л. Люлье и Н. Дубровина, существовали два типа территориальной общности. Первый из них соответствовал населению каждой речной долины по руслам рек, впадающих в Чёрное море на земле, заселенной шапсугами. Оография Черноморья та же, что действительно речная долина на некотором расстоянии от побережья создает условия для формирования в ее пределах микросообщества. Вторым типом были объединения более значительного порядка, занимавшие или расширявшуюся часть речной долины в среднем ее течении или несколько речных долин с их водоразделами. Известные названия нескольких таких общностей: Гуайе или Шехокудаже, Цюхук, Шемитоку-адзек, Хизе¹⁴. К числу таких общностей принадлежит и самая загадочная из них, Хакучинская, известная свободолобызовым правом своих обитателей, а также тем, что она постоянно впитывала наиболее радикальные элементы населения Северо-Западного Кавказа¹⁵. Локализация Хакучинского общества вызывает затруднения. Опираясь на собственные изыскания над распределением различных памятников археологии и тради-

¹³ Гародине В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII—первая половина XIX в.). М., 1967. С. 263, 278—279, 287—288.

¹⁴ Люлье Л. Я. Черкесы: Ист.-этнограф. сг. Краснодар, 1927; Дубровин Н. Черкесы (Адыги). Краснодар, 1927.

¹⁵ Новский П. Закубанский край в 1864 г. (Путевые вспоминания) // Кавказ в 1864. № 97; Ольвекский М. Я. Записки о Кавказской войне с 1854 по 1866 г. // Рукопись старника. Октябрь. СПб., 1895; Волковы Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северо-Западного Кавказа. М., 1973. С. 26, 37, 38, 66—67.

Долина р. Аше

онной культуры в долинах рек Аше, Песезуне, Шахе, рискнем утверждать о различии плотности памятников в долинах рек в средней части течения и областях, объединяющих их верхние участки русла. В последних плотность памятников возрастает¹⁶. Так же рискнем трактовать Хакучинское общество как занимавшее районы Черноморской Шапсугии, близкие к Главному Кавказскому хребту и охватывающее верховья рек. В силу этого Хакучинское общество выступило объединяющей-доминирующей зоной для всей этнической территории шапсугов. В современном сознании этноса Хакучинская область часто трактуется как место происхождения ряда современных фамилий и части населения Шапсугии. Вторым значением является признание Хакучин местом, находящимся у основных перевалов, ведущих через Главный хребет, и областью, располагающейся наверху. Согласно общим установкам сознания народов Северного Кавказа, верхние части речных долин всегда считались более значимыми по сравнению с нижними¹⁷. Вероятно, Хакучин могла быть и реальным местом, и символом шапсугского духа, сохранив такое значение во все последующие времена.

Не вызывает сомнения, что в дороссийский период шапсугской истории личность, т. е. заметной фигурой, мог быть только тот человек, ко-

¹⁶ Материалы экспедиции Сочинского музея 1995 г. Архив музея города-курорта Сочи.

¹⁷ Болжанинов Б. Х. Очерки этнографии общин адыгов. Нальчик, 1983. С. 24—39; Чесноков Я. В. Женщина и этика в металлатите чеченцев // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 36.

торый являлся представителем родственной или территориальной общности или прославился значимыми для социума деяниями. Судьба распорядилась так, что шапсугский этнос стал известным преимущественно на этапе завоевания Российской Западного Кавказа. Поэтому все знаменитые личности в истории шапсугов XVIII—первой половины XIX в. обозначились в ходе горского сопротивления российской экспансии. Практически каждая из них представляет определенный тип военно-политической деятельности и клановой активности. Индивидуальные приметы не составили интереса для современников по сравнению с типическими чертами заинтересовавшихся героями.

Первый тип представлял воспетый рядом местных авторов «але Черкесии» — Кичаубек Шерпук, дворянин, воин, воплощение поведенческой установки феодалов, проводивших жизнь в набегах. В описании Хан-Гирея, «не почтивший никогда ни умом, ни общественным человеком, он пользовался удивительным влиянием на шапсугов, когда на любое было действовать вооруженной рукой... Он был поклонником ста-ринной шапсугской жизни, грубой, но раздельной». С русскими Шерпук воевал потому, что не знал иного образа жизни, кроме войны, реализуя тип активности родовых дворянских фамилий.

Бесльний Абат, выходец из ведущего рода дворян Шапсугин, ассоциированного с родом Коблевых, прославился больше террором по отношению к шапсугским тюрокам. В своих военных предприятиях самий сильный удар он постарался нанести по Хачунскому обществу. По свидетельству Хан-Гирея, Бесльний Абат имел «беспроколийный, ненасытный, честолюбивый характер, ум, склонный к общественным обстоятельствам, но обширный в намерениях». Он вспнутил непреколимую страсть к общественным делам... отнюдь не даже к целому краю». Бесльний Абат завоевал между русской и турецкой стороной на Кавказе, но на сменявшиеся конфликты постоянно, пытаясь добиться их консолидации силой, имел в голове проект политической реформ на турецкий образец. Однако его умы были парализованы ответственным сопротивлением и дворян, и крестьян.²⁰

Третий тип, который отражает политическую активность элиты Черноморского адыговского самогого высокого уровня, представлен фигурой князя Сефер-бей Заноко (Занова). Сам он существовал постоянно во внешнем политическом мире, большую часть времени находясь в Турции и оттуда возбуждая антирусские настроения у натухаевцев и шапсугов. Относительно, конечно, к древней, но ослабевшей владельческой фамилии, Сефер-бей в силу особенностей алтайского феодализма и резкого усиления роли общинников у адыгов побережья был обречен на деятельность по сохранению авторитета по традиции и на расстановки, без прямого взаимодействия с массами всех классов местного общества.²¹

²⁰ Хан-Гирей. Бесльний Абат // Избранные произведения. Нальчик, 1974. С. 238–240.

²¹ Хан-Гирей. Бесльний Абат. С. 208–209, 219–220, 242.

²² Фелицын Е. Д. Князь Сефер-бей Зано. Политический деятель в поборнике низменности чиркесского народа // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1904. Т. X. С. 5–6, 9, 39, 79, 92.

Отмечена в истории Кавказской войны и роль лидеров тюрокольских объединений. Ведущими мотивами, которые привлекали внимание к деятельности вождей крестьянских ролей, были стремление защитить среду обитания от излишних разрушений, которые могли бы уничтожить хозяйство общинников, и желание отстоять независимость тюроколов от стре-мившихся подчинить их силы. Первые мотивы вели к попыткам установления мирных отношений с русскими. Данные настроения в крестьянской среде были достаточно сильны, иначе бы не сложилась, согласно историзам, значительная группа сторонников богатого натухаевского тюрокла Бензима-Соопуха, который вел серийную агитацию за укрепление русско-алтайских связей в 1830-е гг.²² Независимость крестьянских крупных родственных объединений подвергалась опасности с двух сторон, и не только со стороны России, в конечном итоге подчинившей вольных адыгов. Любые процессы политической консолидации адыгов, в том числе вызванные и нуждами антирусского сопротивления, привели бы к ограничению самостоятельности тюроколов. Поскольку наиболее успешной в условиях Кавказской войны формой объединения была основавшая на антироссийских, но одновременно национальных, надродственных принципах государственная модель исламского суфийского объединения — имамата, то именно в национально-родовой среде она должна была встретить отпор. Данный тип общественного движения персонифицируется в фигуре старшны Хоротокора Хамыры Кобле, возглавившего восстание шапсугов против имама Черкесии Магомета Эминя в 1851 г. и расстрелянного по его приказу²³. Имам имел поддержку среди убыхов и аваздов, но подчинение ему шапсугов и натухаев было проблематичным, примечательно, что главным его противником оказался лидер самого крупного и сильного братства шапсугов.

При всем различии мотивов поведения все перечисленные фигуры объединяют их позиции лидеров и представителей родственных объединений, неразрывность индивида и общественной структуры, к которой он принадлежит. Фактически каждый из них — настоящая базовая личность, притом что остальные члены представляемой структуры являются его родственниками и играют второстепенные роли.

В ходе Кавказской войны XIX в., как пространство Черноморской Шапсугии, так и общественная структура народа были уничтожены. В последние трети XIX в. они стали постепенно воссоздаваться во вторичной и, на начальном этапе, явно искусственной форме. Большая часть народа покинула родные земли. В 1865–1870 гг., продолжая военные действия против шапсугов и используя тактику выжженной земли, царские войска провели акцию по фактически полной очистке Черноморья от алтайского

²² Бланк М. М., Деллов В. В. Кавказская война. М., 1994. С. 443–445.

²³ Дахомин Б. М. Алано-кандийские выступления на Северо-Западном Кавказе в первой половине XIX века // Некоторые вопросы общественно-политических отношений в конце XVIII—первой половине XIX в. Майкоп, 1985. С. 58.

населения²⁵. Скрыться удалось только отдельным маленьким группкам, задержанным высылки на Кубань.

Небольшой части выселявшихся с гор, в прямом смысле единицам, было разрешено приселиться к станицам Шапсугского пешего казачьего берегового батальона, находившимся на территории нынешнего Туапсинского района. Военная администрация рассчитывала, что шапсуги хоть как-то обучат переселенцев вести хозяйство в новых условиях, поскольку последние находились на новых местах в очень тяжелом положении.²⁶ Так, совершенно того не желая, воинская администрация способствовала сложению статусности ущедевших представителейaborигенного населения. В 1870-х гг. шапсугам было разрешено отселиться от этих станиц вглубь побережья.

14 декабря 1869 г., на территории будущего Сочинского округа Черноморской губернии было предписано создать 14 солдатских поселений, в ряду из них было разрешено подселиться и шапсугам, возвращавшимся с Кубани или выходившим из убогих в горах. Так появился и ныне существующие шапсугские аулы:

в урочище Тхагали на Псезуапсе при штабе 1-го Кавказского линейного батальона и 1-й стрелковой роты этого же батальона аул Божий Воды, или Тхагали;

на Аше при ротном дворе и 1-м взводе 1-й роты 1-го Кавказского линейного батальона село Александровское, ныне аул Хаджико;

при впадении р. Хакучине в р. Псезуапсе при 2-й роте указанного батальона село Красное;

на р. Псахо, притоке Кудепсту, при 1-й роте 2-го Кавказского линейного батальона село Лесное или аул Псахо;

при впадении в Шахе р. Кичмай при 2-й роте 2-го Кавказского линейного батальона село Кичмай, ныне аул Большой Кичмай²⁷.

В дальнейшем произошло переселение жителей Псаго в Б. Кичмай, выселение и вторичное заселение а. Тхагали, переселение жителей Краснодарского в долину Аше и образование аульного комплекса I—III Краснодарско-сандроновские (ныне Хаджико-Калех-Лыгот) живущими здесь людьми и реатраратами из кубанских селений Даховская (Асереткабль) и Мозмай²⁸. Косвенным свидетельством того, что возвращение в родные места имело насилиственный характер, может служить мнение жителей а. Калех и Лыгот (I—II Краснодарско-сандроновские), что расположение большинства домов внизу у берегов Аше не так полезно для здоровья, как если бы они были в верхней части долины, но такая планировка поселения не была добровольной.

²⁵ Гладкова Г. А. Махаджишвили и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сулюкта, 1982. С. 190—210.

²⁶ Головинская Т. В. Черкесия — бывш. мон. С. 181—182.

²⁷ Ткачуков И. А. Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине XIX—начале XX в. Сочи, 2000. С. 13.

²⁸ Верещагин А. В. Путевые заметки по Черноморскому округу. С. 78—79; Конев Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII—начале XX в. М., 1974. С. 241; Головинская Т. В. Черкесия — бывш. мон. С. 180—184.

Вынужденный уход хозяевства на время военных действий, временное отсутствие коренного населения и его малочисленность после депортации привели к запустению гор Черноморской Шапсугии и забвению традиционных угодий. От бывого обienia мест поселений, пахотных участков, выпасов, фруктовых садов быстро остались только их следы²⁹. Каждой семье пришлось тяжелым трудом заново отвоевывать у субтропических кустарников земли для выращивания проса, кукурузы, овощей.

Экономические и демографические факторы существования шапсугского этноса в царской России после 1864 г. сопоставимы с условиями раннего освоения человеком Черноморья, в чем-то они были и хуже. Так, можно отметить отдаленность лесных угодий, принадлежащих казне, от мест поселения альпий, ограниченности в связях с внешним миром. В землях, отведенных в аульное пользование, неудобные земли преобладали над используемыми. На 1890—1891 гг. в а. I Краснодарско-сандроновский было 18 десятин земли чистой и \$26,5 — заросшей кустарником, в а. Б. Кичмай соответственно 133,5 дес. и 826,5 дес. земли³⁰. Шапсугские аулы были отрезаны от побережья, от урбанизационных процессов. В 1897 г. в г. Сочи был зафиксирован только один черкес.

Исходя из упомянутых факторов, личностная активность могла быть направлена на выживание и восстановление этноса и составляющих его социальных единиц. В силу малочисленности и вынужденной закрытости этноса мало известно о деятельности отдельных личностей царского этапа российского периода истории шапсугов. По этим же причинам практически не существовала категория маргинальных личностей, реализовавшихся в сфере межэтнических контактов. Неизвестны нам ни шапсуги на русском службе, ни просветители из числа черноморских шапсугов, повествовавшие бы о национальном своеобразии на русском языке. Активные маргинальные личности были более известны в альпийской диаспоре, куда переместилась большая часть социальной и культурной элиты альпийских народов³¹.

Память о себе оставили люди, которые были среди первооселенцев шапсугских аулов. Среди них встречавшийся с историографом колонизации Черноморья А. Верещагиным старшина а. Лесное Тленшаша Кобиж, бывший в числе основателей и а. Б. Кичмай³² Кочак Коблев, он упомина-

²⁹ Отчет комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря между реками Туапсе и Былбью // Записки Кавказского общества сельского хозяйства. Тифlis, 1867; Каменец И. Оценки хозяйств в Сочинском округе. СПб., 1896. Исследование бывших горских аулов, а также частновладельческих и поссоветских хозяйств в Черноморской губернии младшего таокатора Леччуса // Архив музея города-округа Сочи. Ф. 2, д. 27; Калев Б. А. Земельные народы Северного Кавказа. М., 1981. С. 93, 101.

³⁰ Ткачуков И. А. Социально-экономическое развитие... С. 77.

³¹ Там же. С. 47.

³² Черкесский мир. 1998. № 1; 1999. № 1.

³³ Верещагин А. В. Исторический обзор колонизации... С. 17; Альбом Н. Ботанико-географические исследования в Западном Закавказье в 1883 г. // ЗКООНРТО. Тифлес, 1884. Кл. XVI. С. 138.

ется в числе первопоселенцев в. Калеж. Хабат Басто, Посад Бжассо, Махмуд Хахо и другие присутствуют в числе тех, кто первый переселился в Головинку. Скатерию Хунюю приводят первый участок в а. Цыпка и т. д. Но чаще вспоминают названия фамилий, заселивших местность или образовавших в ауле квартал, населенный родственниками. Личные имена сохраняются преимущественно среди потомков. Модальная личность царского времени ориентирована на деятельность по выживанию родственной группы.

Большой скачок в усилении этнической идентичности черноморских шапсугов, фактически в воссоздании этноса произошел в начальный (послеоктябрьский) период советской истории шапсугов. Он был связан с обретением шапсугами политического самоопределения в форме национального района. Шапсугский национальный район (ШНР) просуществовал с 1924 по 1945 гг., а в виде административной единицы, уже лишенной национального статуса, до начала 1950-х гг. Фактологи существования ШНР стала известна по публикации последнего времени, что при всей злободневности темы позволяет адресовать к ним читателя³⁴.

Инициатива по образованию ШНР имела верхушечный характер, она происходила от советских и партийных органов Кубано-Черноморского региона и была санкционирована и утверждена высшими органами РСФСР. Мотивы создания ШНР были противоречивы, в них присутствовали в стремление дать развитие угнетенному ранее народу, преодолеть искажительные обстоятельства русско-албанских отношений, и выстраивание советской вертикали власти, и установка на разделение политических механизмов администрации Кубани и Причерноморья. Сам ШНР реформировался неоднократно без учета мнений его жителей, а эффективность деятельности его органов часто была очень низкой. Между тем для самих шапсугов образование ШНР имело колossalное значение, выражавшееся в следующих факторах:

признание шапсугов народом, равноправным другим и способным иметь самоуправление;

создание признанного представления о шапсугской собственной территории (она оставалась дискретной, так как земли не спорились, но становилась землей национальной); впервые возникло единство поле деятельности родственных и территориальных групп, были также силы возникшие в годы Гражданской войны противоречия между населением северных большевистских настроенных аулов и населением юж-

³⁴ Сивер А. Шапсуги и проблема воссоздания Шапсугского национального района // Ист. справка, публ. документы // Бюллетень Центра содействия развитию и изучению языковых, этнических и языкообразующих меньшинств. 1999. № 1, декабрь. С. 60–68. Рязанов А. А. Национально-государственные образования в Краснодарском крае в 1920–50-е гг. // Автореферат канд. дисс. М., 2000; Он же. Шапсугский национально-территориальный район: Из истории образования // Шапсугие: тез. 25 мая 2009 г. № 13 (1991); Полонников Т. В. История создания Шапсугского национального района // Интервью с Черкесской Редакцией.

ных, подвергшихся красному террору в 1918 г. за то, что не посыпали отказать в помощи войскам, выступавшим под знаменами старой России);

включение в состав национальной территории земель на побережье, вплоть до организации на них административного центра в пос. Лазаревском;

превращение населенных пунктов в дееспособные производственные единицы (хотя бы на уровне натурального хозяйства) при передаче зуналам прилегающих уроочищ и участков речных долин.

Руководство ШНР, в частности его ревком, составили выходцы из а. Карабека-Агуи: Мус Алано, Юсуф Нагуч, Джамбулат Нагуч, Абдула Клечас, Али Нагуч. Они представляли в шапсугском обществе линию так называемых красных марксистов — известной на Северном Кавказе общественной группы, образованной из представителей коренных народов, активно сотрудничавшей с большевистским движением и Красной Армией в годы Гражданской войны, а позднее составивших первую волну советских руководителей в национальных местностях. Верхняя часть красных подразумевала членами РКП(б) должна была жестко подчиняться партийным решениям и постановлениям.

Довольно быстро выявился противоречия между ними и представителями традиционных общественных институтов. Документально отмечено превосходство на местах авторитета аульных советов над представителями ревкомов, тенденции «автономизации» Красноалександровской волости, т. е. ядра Шапсугии — а Красноалександровский и Тхагапсий противодействие представителям ревкома среди экономически преуспевающих лидеров родственных общинений³⁵. Среди последних отмечены Чизах Тех, Баулут Литкүш, Ибрагим Хейши, который был председателем сельсовета, Брам Сизо, Хаджи Гербо. Примечательно, что члены комиссии, занимавшейся действием «автономистов», отметили наличие «зрадной братьевлады» между председателем ревкома Айшамиром Богусом и жителями Красноалександровского аула и их представителем Чизах Техом, что свидетельствует о сохранении общино-родственного единства.

Образование ШНР стимулировало сложение настоящей политической элиты шапсугского общества, порожденной взрывом революции 1917 г. и являющейся проводником государственного влияния. Ей противостояли местные авторитеты, главы патроний, почтенные в аулах старшины, а также зажиточные хозяева, вышедшие, скорее всего, из этой же среды. Их можно назвать элитой традиционного общества, и тот факт, что они отказались от выражения самостоятельной позиции, является результатом тех же революционных событий.

К концу 1920—началу 1930-х гг. сформировался круг людей, из числа которых вышеупомянутые руководители ШНР, не относившиеся к красным марксистам и выросшие в советской системе. Их биографии типичны для вы-

³⁵ Докладная записка Комиссии по выяснению целесообразности исключения аула Красноалександровского в Базы Воды из Шапсугского Ревкома // Сивер А. Шапсуги... С. 23.

двоюродные в руководители первых десятилетий советской власти. Друг Хунов родился в 1903 г., в 1924—1929 гг. учился в Коммунистическом университете народов Востока, в 1930—1934 гг. был председателем Шапсугского РИК, позднее находился на советской и партийной работе в Карачаево-Балкарии. Хаджибрам Хейших в 1925—1927 гг. учился в совпартишколе в Новороссийске, в 1937—1939 гг. был первым секретарем Шапсугского РК ВКП(б). Махмуд Хунов родился в 1904 г., учился в 1925—1926 гг. в совпартишколе в Новороссийске, в 1927—1929 и 1935—1936 гг. — секретарь Шапсугского РК ВЛКСМ, в годы Великой Отечественной войны — полиграф Чечни. Махмуд Нагучев родился в 1912 г., учился в Горском кооперативном техникуме, затем на хозяйственной работе, в 1936—1938 гг. был председателем Шапсугского РИК. Завершение биографии таких работников типично для этого данного общественного слоя, так, М. Нагучев и Х. Хейших в конце 1930-х годов были репрессированы, Хейших был осужден на 25 лет заключения, 5 лет провел в одиночной камере.³⁶

Существование ШНР сыграло свою роль в экономическом развитии Черноморского побережья, несмотря на то, что современные ему документы ясно показывают, что результаты проделанной работы отставали от запросов населения. Более важно, что были заложены основы инфраструктуры шапсугского этноса: стали строиться дороги, национальные школы, было налажено радиовещание на адыгейском и других языках, ежегодно проводились национальные праздники, выходила районная газета «Шапсугский большевик». Политическое развитие явно опережало экономическое, поскольку первое стимулировалось государством много сильнее. Существование ШНР уже подавно способствовало формированию на базе воспоминаний о нем сильного ментального компонента, который соединяющего этнос и формирующего современное национальное сознание шапсугов, содержащего исключительно положительную оценку способа самоопределения шапсугов послевоенного периода.

Финальная фаза существования ШНР совпала с ником развития сталинского режима, отличительной чертой которого было репрессивный метод социального управления и стимулирование модернизационных процессов. На Черноморье репрессиями были подвергнуты все этнические группы, имелся и особый геополитический акцент, отмеченный депортацией тех групп, которые имели метрополии или общирные диаспоры в ближних странах (армяне, греки). Адыги также входили в их число. Кавказские историки оценивают уровень репрессий среди шапсугов в 60%. Особо был затронут в Тхагати (Богазы Воды), где недавно был возведен уникальный в России памятник жертвам репрессий и депортаций.

По нашим полевым данным, репрессии преимущественно были на правлены на людей, являвшихся носителями различного рода традиций

³⁶ Золотые россыпи Шапсугии / Сост. Алазо Э. Ю., Бус Н. А. Майкоп, 2001. С. 18—19, 24—25, 32—36.

³⁷ Немного истории о шапсугах Причерноморья // Шапсугия: газ. 24 июня 1998 г. № 13 (144).

кузнецей, народных целителей, знахарок, примет, навыков земледелия и пр. Формируемый репрессивными методами разрыв с прошлым являлся предысторией многих явлений советского периода, в том числе и высвобождения поля для формирования принципов урбанистического образа жизни.

Весь советский период и последовавшее за ним последнее десятилетие XX в. отмечены политизацией общественной жизни. Шапсугское население не было исключением среди народов России. Послевоенный этап советского периода характеризовался контролируемым сложением политического организма, дающего возможности для развития этнической идентичности; сталинский — отличался подавлением местного своеобразия, в том числе и этнического, что отвечало принципам тоталитарного общества. Позднесоветскому этапу были свойственны следующие черты: во-первых, относительно высокий уровень благосостояния шапсугского населения, определявшийся его принадлежностью к курортной зоне Черноморья, связанной с этим высокая степень урбанизации шапсугов, как и всех этнических групп побережья; во-вторых, минимальное внимание со стороны властей к этническим особенностям региона. Дополнительным обстоятельством, негативно воздействовавшим на национальное самосознание адыгского населения Черноморского побережья Кавказа, было то, что через существовавшую паспортную систему им называлось этническое название — черкесы, отличающиеся шапсугов от наиболее этнических близких им народов Адыгеи.

В самом конце позднесоветского времени, непротив-проводившийся московским руководством курс так называемой перестройки, среди призыва которого было высвобождение подавленных массовых члений, в прямую выразился в разных районах Советского Союза всплеск политической активности, выражавшейся в том числе и в возникновении национальных движений. Повсеместно формировалось мощное демократическое движение, развивавшееся под лозунгами неправомерности совершененных в прежние годы ошибок, что вполне устраивало власти, готовившиеся к переделу государственної собственности. Для национального сознания, по сути своей ориентированного в прошлое, были раскрыты каналы самовыражения, и национальное движение на всем советском пространстве оказалось самой мощной формой политической активности масс. Для Черноморской Шапсугии главными установками политизированного сознания были две: признание геноцида адыгов во время Кавказской войны XIX в. и требование восстановления ШНР.

Демонстратором начала всплеска политической активности явилось принятое в 1988 г. на уровне властей г. Сочи и Краснодарского края решение о проведении празднования 150-летия основания городов Сочи и Туапсе, что глубоко задело национальные чувства шапсугов. Ответом стали мас-

³⁸ De Vos G. Ethnic pluralism: Conflict and Accommodation // Ethnic Identity: Cultural Continities and Change / Ed. by De Vos G. and Rovinacci-Rosa. Univ. Of Chicago Press. 1992. P. 18.

совые манифестации ненасильственного толка. Обида выступила мобилизующим мотивом, основой усиления духовной консолидации, но и стимулом ускорения воссоздания общенациональных институтов, которые предполагалось создавать по собственной модели самоуправления, по приципам дороссийского социума и институтов ШНР.

Первым 29 апреля 1989 г. был образован общественный парламент Шапсугии, общество Адыгэ Хасэ. Данная организация была призвана возродить традиции общинного самоуправления, руководствуясь нормативами общественного быта XIX в. Принципами Хасэ XIX в. были представительность каждого населенного пункта, выдвижение в общественный совет лиц, авторитетных по возрасту и своему положению⁴⁶, но что является принципиально важным для современного варианта Хасэ, — совещательность при обсуждении вопросов и добровольность принятия решения общественного парламента рядовыми членами общества. Такая система организации, если ее действительно соблюдать, эффективна только при наличии общественного авторитета и не дает возможности для сложения ее основе политической элиты.

Тип личности, характерный для сложения Адыгэ Хасэ Шапсугии, может быть продемонстрирован на примерах члена президиума Хасэ 1989 г. Халида Гифи (уважаемый человек, возраст — 63 года на момент избрания, участник Великой Отечественной войны, преподаватель русского языка, литературы и истории, собиратель шапсугских народных легенд, писатель) или председателя президиума Хасэ, избранного на 3-м съезде шапсугского народа, Мурнина Тешева (возраст 61 год, был главным инженером ряда учреждений, широко известен как исполнитель игры на трехдневных музыкальных инструментах).

Следующий по времени возникновения организаций, политический характер которой более выражен, является съезд причерноморских адыгов. Первый съезд состоялся 1 декабря 1990 г., его основным решением было провозглашение требований о создании Шапсугского национального района как субъекта Российской Федерации, данное решение было подтверждено 2-м и 3-м съездами 1991—1992 гг. 2-й съезд объявил о вхождении в Конфедерацию горских народов Кавказа и преобразовании съезда постоянной действующий Конгресс шапсугского народа. Исполком Конгресса возглавил Руслан Гашев, на тот момент являвшийся сотрудником Сочинского историко-краеведческого музея. Его фигура однозначно связана с периодом наибольшей политической остроты в Черноморской Шапсугии в 1990—1992 гг., происходило многое: митинговая активность, пикетирование общественных зданий Лазаревского КПСС, Конгрессом были вынесены предложения по созданию отрядов самобороны, в Шапсугии побывали эмиссары из мятежной Чечни, добровольцы из Шапсугии воевали в Абхазии во время абхазо-грузинского конфликта. Ситуация в Шапсугии была частью острого политического положения на Северном Кавказе, и здесь

так же, как в других районах, встало дилемма: идти ли дальше по пути отставания своих требований и тем самым усилить сепаратистское движение в регионе или умерить свою политическую активность. В движении за самоопределение шапсугов в виде воссоздания национального района их союзниками являлись как родственные, но территориально отдаленные адыги Кубани, столь же рано ставшие перед подобным выбором, так и те общественные группы Северного Кавказа, кто был готов развивать антироссийское движение и пропаганду адыгских норм социального поведения⁴⁷. С другой стороны, среди недыгского населения Краснодарского края идея воссоздания ШНР не вызывала энтузиазма, ее поддерживали в 1993 г. 7% опрошенных жителей края, а 56% высказались против⁴⁸. Центральная власть в отношении вопроса о воссоздании ШНР избрала тактику ухода от решения проблемы с целью длительного переживания кризиса на высокой, но не достигающей максимума точке возбуждения.

Во второй половине 1990-х гг. результатирующим итогом развития самоопределения черноморских шапсугов стала победа политической линии Адыгэ Хасэ, осудившей митинговую активность, победа той линии, которая была направлена на совершенствование внутренней структуры шапсугского этноса, взаимодействие с местными и региональными органами власти, развитие культурных связей с адыгским миром и пропаганду адыгских норм социального поведения⁴⁹. По своему статусу Адыгэ Хасэ является не политической, а общественной организацией, но в то же время объединяющим весь этнос институтом. Хасэ соответствует возникшая в тот же отрезок времени внутренняя информационная сеть этноса. Ее основу составляет национальная газета «Шапсугия», основанная в 1991 г., начавшая оформляться национальное телевидение.

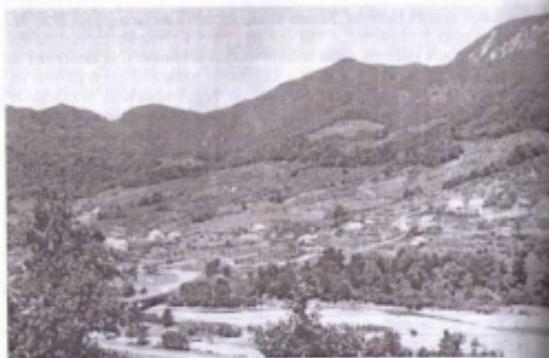
Духом газеты «Шапсугия» является Асламбий Хушт, чей жизненный путь ярко иллюстрирует преемственность позднесоветского и постсоветского времени и линии становления идеолога национального движения. Он родился в 1929 г., в 1951—1961 и 1962—1968 гг. был работником школьной администрации, в 1962—1965 гг. — заведующим отделом пропаганды и агитации Лазаревского КПСС, в 1969—1972 гг. — ответственный секретарем районного общества «Знание», в 1974—1991 гг. — директором лесного санатория. С 1993 г. А. Хушт — главный редактор газеты «Шапсугия».

Таким образом, к началу III тыс. шапсугский этнос, пройдя непростой путь общественного развития в рамках российского «большого общества», подошел, имея общественную структуру, сходную с той, которой располагают многие народы России, но в своем политическом развитии

⁴⁶ Беджанов М. Б. Проблемы национальных отношений на Северном Кавказе и пути их решения. Майкоп, 1997. С. 191—196.

⁴⁷ Крачук Е. В. Этнополитическая ситуация в Краснодарском крае // Философия и инновации в Республике Адыгея. Майкоп, 1994. С. 34—36.

⁴⁸ Из частных бесед с председателем Адыгэ Хасэ Шапсугии Маджидом Чагух в 1998, 2001 гг.

Аул Хаджико

достиг состояния ассоциированного этноса, имеющего некоторые признаки культурной автономии.⁴³

Уровень территориального самоопределения черноморских шапсугов определяется тем, что населенные ими земли принадлежат двум административным единицам Краснодарского края. Северные аулы находятся на территории Туапсинского района Краснодарского края, южные принадлежат Лазаревскому району г. Сочи. Данное разделение не совпадает с внутренней структурой самого этноса, по сведениям Л. И. Лаврова, черноморские шапсуги говорят на двух диалектах шапсугского языка, северном и южном. Северный диалект характерен и для шапсугов Кубани, южный, или хасучинский, является наследием Черноморской Шапсугии (Малого Шапсуга) XIX в. Граница между ними проходит по разделу земель а. Наджиго и Б. Псечуихо, с одной стороны, и I—III Краснолеонидьевские (Хаджико-Калеж-Лыготх), с другой. Однако заселенный людьми, то возвращающимися на северном диалекте, а Наджиго принадлежит Лазаревскому району.

Элементарной административной единицей, образующей структуру районов, является территория, управляемая местной администрацией и несущая несколько селений. Так Лыготхская администрация контролирует ситуацию в селениях Лыготх, Калеж, Хаджико, Шахфит и Наджиго, являющихся чисто шапсугскими. Кичмайской администрации подчинены троицкие шапсугские селения Большой и Малый Кичмай, Ахинтам; во

⁴³ О концепции ассоциированного этноса см.: Арутюнов С. А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989.

также поселки Зубова Щель, Каткова Щель, Волконка, Солохаула, населенные русскими, армянами, греками.

На первый взгляд административные барьеры только разделяют этнос, но их роль заключается еще и в том, что общность может быть восстановлена на том уровне, где утрачивается значение формальных границ. Черноморской Шапсугии, конечно, в официальном смысле не существует, но ее существование легко прочитывается, когда происходит обращение к такой пространственной области, как Черноморское побережье Краснодарского края или просто Причерноморье.

Таким образом, Шапсугия как этнокультурное пространство существует параллельно с пространством административного устройства посёлков, соотносясь с двумя пространственными категориями: зона обитания и пространство интеграции зон обитания. Первая категория представлена населенными пунктами, вторая составляет пространство этноса. Правомерно будет считать, что пространство этноса не сводится к сумме пространств отдельных населенных пунктов и даже неизбежно ей, однако несомненно базируется на ней.

По данным 1991 г., распространение альбетского населения Черноморской Шапсугии выглядело следующим образом:

г. Туапсе 704 чел. 1,2% всех жителей данного населенного пункта

Агу́йский сельсовет, в том числе: *(записано вручную)*
пос. Агой 75 чел. 7,5%
пос. Греческий 2 чел. 0,7%
пос. Майский 3 чел. 2,8%
пос. Соссойский 2 чел. 0,3%
пос. Небуг 45 чел. 1,8%
+ аул Агу́й-Шапсуг 1407 чел. 86,6%

+ аул Агу́й-Шапсуг — селение расположено вблизи села Агу́й

Вельмино́вский сельсовет, в том числе:

пос. Мессаяев	2 чел.	0,2%
пос. Пригородный	3 чел.	0,04%
+ аул Цыка	251 чел.	36%

Георгиевский сельсовет, в том числе:

станица Георгиевская	124 чел.	8,5%
станица Кривокосовская	21 чел.	0,7%
+ аул Б. Псечуихо	265 чел.	98,4%
+ аул М. Псечуихо	262 чел.	90,2%

Джубгский поселковый совет, в том числе:

пос. Джубга	4 чел.	0,1%
пос. Бахчиз	4 чел.	0,6%

Новомихайловский сельсовет, в том числе:

пос. Новомихайловский	179 чел.	1,7%
пос. Ольгинка	5 чел.	0,1%
+ аул Псебо	598 чел.	98,2%

Шепсиинский сельсовет, в том числе:

пос. Гинельлер	23 чел.	4,4%
пос. Дедерой	3 чел.	0,5%
пос. Шенги	9 чел.	0,3%
пос. Кровенские	7 чел.	1,0%

Пос. Лазаревское, в том числе:

пос. Волковское	10 чел.	0,5%
пос. Сергеево Поле	2 чел.	0,2%

Лазаревский сельсовет, в том числе:

пос. Мамедова Шемь	2 чел.	0,9%
--------------------	--------	------

Лыготский сельсовет, в том числе:

+ аул Хаджико	473 чел.	97,5%
+ аул Казах	399 чел.	94,5%
+ аул Лыгот	64 чел.	100%
+ аул Наджиго	177 чел.	98,3%

Кировский сельсовет, в том числе:

+ аул Тхагани	210 чел.	87,5%
---------------	----------	-------

Киремайский сельсовет, в том числе:

пос. Волонка	28 чел.	8,9%
+ аул Б. Киремай	516 чел.	97,7%
+ аул М. Киремай	195 чел.	92,4%
+ аул Ахшагат	149 чел.	58,3%

Данный список в сумме охватывает около 6 тыс. человек, это меньше той общей оценки численности черноморских альбугов, согласно которой принято говорить, что число шапсугов не превышает 10 тыс. человек.⁴⁴ И первичные отсутствуют данные по ряду мест, значимых для исследований по шапсугской проблематике, не упомянут пос. Шхабит, ряд поселков прибрежной зоны (например, Г. Таханка), нет данных по г. Сочи и пос. Лазаревское. Последний пункт имеет, несомненно, достаточное шапсугское население для того, чтобы его внести в общие данные, но нужных сведений нет. Если предположить, что шапсугов в Сочи примерно столько же сколько в Туапсе, а альбугское население Лазаревского не меньше, чем в Новомихайловском, то можно считать, что около 2 тыс. шапсугов расположены на Черноморском побережье, где ведут жизнь по городскому образцу. Эта часть населения может оказаться наименее охваченной какимилибо исследованиями по проблематике традиционной культуры. В то же время ее воздействие на ситуацию внутри этноса не может быть слабым, так как жители прибрежной полосы явно составляют около четвертой части черноморских шапсугов.

Статистические данные позволяют разделить все население Шапсугии на три группы.

⁴⁴ Архив Лазаревского филиала музея города-курорта Сочи. Б. №: Собр. А. Шапсуг. С. 13–14.

⁴⁵ Половинник Т. В. Черкесия — баль виз. С. 186.

Жители аулов, т. е. национальных по генезису населенных пунктов, шапсугского населения которых является абсолютно преобладающим; по приведенным выше данным, они составляют 4969 чел. или почти 5 тыс. чел. (с погрешностью в 6%), «аульчане» составляют до двух третей населения Шапсугии.

Жители поселков городского типа и городов на побережье, где они составляют достаточно значительные группы, но относительно малые по сравнению с населением других национальностей; горожане составляют около четверти населения Шапсугии. «Горожане» среди населения побережья являются фактически репатриантами, их расселение здесь явилось результатом процессов советского времени, связанных как с политическим развитием этноса (переселение периода ШИР), так и с его экономико-социальным развитием (новление шапсугского населения в экономику курортной зоны). Раннее переселение позволяло сохранять какие-то подобие фамильных объединений на побережье, например в Голенихине. Позднее переселение пошло, конечно, индивидуальный характер, в городах все могли селиться только отдельно.

Жители иноэтнических по составу населенных пунктов побережья и горной зоны, в которых шапсугский компонент невелик абсолютно и относительно. Статистические данные оценивают их численность в 400 ± 5 ч. или 5–7% населения Черноморской Шапсугии.

Можно сделать ряд примечаний. Статистически типичными группами Шапсугии являются «аульчане» и «горожане», их поведение будет установочным для инцидента как личности. Существование третьей группы целесообразно рассматривать как следствие интерференции группы «аульчане» в окружающую среду, «горожане» же по отношению к «аульчанам» являются в социальном смысле производной группой, порожденной урбанизационными процессами ХХ в. В пространственном же отношении аулы занимают ядро этнического пространства, представители второй и третьей групп проживают на его ближайшей периферии и в зоне межэтнических контактов. Та часть шапсугов, которая проживает за пределами Черноморья, составляет внешнюю периферию языческого пространства. Не вызывает сомнения то, что этнические установки поведения личности более стабильны в ядре, а трансформации подвергаются больше периферии, где происходит в основном синтез норм этноса и «большого общества».

Земли, принадлежащие аулам Черноморской Шапсугии, не составляют единой территории, образуя территориальные пятна. Наиболее разрознены населенные пункты в северной части (между р. Нечепсую и Гулсане), сообщение между Себо, Агуй, Цыпка возможно через побережье, а расстояние между аулами достаточно велико, лишь Цыпка и М. Песецко принадлежат одной речной системе. В центральной части (между р. Макопе и Песецко) аулы наиболее связаны. Находящиеся на р. Аще в I—III Красноалександровские связаны горной дорогой с а. Тхагани на р. Песецко, от них есть дорога на р. Наджиго на р. Макопе, тропа по речному руслу на р. Песецко, которое по шоссе связано с М. Песецко. Данная транспортная система имеет выход к перевалу, ведущему в При-

кубаные. Участок у данного перевала сейчас обозначается как Хакучч. С р. Псечуанк старой горной дорогой можно выйти в долину р. Шахе, где находятся аулы южной группы. Ее составляют а. Ахинтау, б. и М. Кичмай, занимающие южную часть долины. Каждая группа аулов сизана по речному руслу и, следовательно, проходящей вдоль реки дорогой с поселком или городом, находящимся на побережье. В северной группе находятся д. Тулак и пос. Новомихайловой, в центральной — пос. Лазаревское, в южной — пос. Головинка. В результате на карте Черноморской Шапсугии наблюдаются четыре территориальных системы, в которых центральная является такой не только по месту расположения, но и по связи с соседними.⁴⁶ Отчетливо просматривается большое значение пос. Лазаревское, одним из признаков чего является проведение в нем с 1990 г. съездов шапсугского народа.

Аулы современной Шапсугии являются поселками с гомогенным в этническом плане населением, для нешапсугского населения исключительно мало. Проведенный анализ похозяйственных книг нескольких аульских центральной и южной части Черноморской Шапсугии по состоянию на 2001 г. показал высокую однородность национального состава, например:

в Б. Кичмае шапсуги составляют 95% семей, русские — 2,7%, 2,5% — представители других групп алтайского народа; в селении шесть русских семей, одна абхазская, одна армянская, одна еврейская;

в М. Кичмае шапсугских семей — 93%, русских — 7%;

в Хаджино шапсугских семей — 92,5% русских — 5%, алтайских из других групп — 2,5%;

в Калеке шапсугских семей — 86,9%, русских — 7,9%, алтайских других групп — 5,2%;

в Лыготке шапсугских семей — 87%, 13% семей имеют фамилии, известные не только в Черноморской Шапсугии;

в Наджиго шапсугских семей — 95%.

Сходная картина наблюдается и в северных аулах, например в а. Агуй-Шапсуг из 470 семей 415 (88%) являются шапсугскими.⁴⁷ Присутствие представителей других народов настолько мало, что все шапсугские аулы можно принять моногнтичными.

Аулы, находящиеся в ядре Черноморской Шапсугии, являются поселками нагорной части побережья, расположеными в долинах рек на расстоянии нескольких километров от границы приморской и горной зон. Места расположения поселков можно считать предгорьем, если отделить нагорную часть от прибрежной полосы, лишенной гор и вспомогательных участков, примыкающих к Главному Водораздельному хребту. Термин «аул, тюрямз» через посредничество русских, является общ-

ходным для названия поселка при наличии собственного термина *куаджэ* (поселение, квартал поселения).

Большая часть аулов образовалась в 1860—1880 гг. В их числе Агуй-Шапсуг (бывшая Карпонка и позднее Куйбышевка), Хаджино, Калек, Лыготх (I—III Красноалександровские), Большой и Малый Кичмай, Наджиго, Псечу, Большое и Малое Псечуло, Тхагапса (Божмы Воды, а. им. Кирова), при этом в Б. Кичмай полностью переселились жители а. Псао, а в а. Наджиго был образован переселенцами из Б. Псечуло. В годы ШНР часть населения Красноалександровских аулов переселилась в Шхабит (Мухортова Полина); в местности, где первый участок принадлежал фамилии Хуновых, переселились 17 семей из Б. Псечуло. В 1930-х гг. группа переселенцев из аулов Псечуло слилась у устья р. Шахе (долина Субашин) с местными жителями; выше здесь пос. Головники. Данное событие было в русле переселения части черноморских адыгов непосредственно в прибрежные районы. Движение шапсугов в прибрежные поселки в 1920—1930 гг. является естественным следствием образования ШНР, размещенного его административными органами в Тулаке и передачи ШНР в 1934 г. поселка Лазаревский.

Отчасти в расположении аулов прослеживается территориальная пресмыкательность с местоположением поселков дороссийского времени. Аулу Наджиго предшествовали два аула: Изджаны и Изыджаны, находившиеся друг от друга на расстоянии около 5 км. Выше современного а. Б. Кичмай было 8 поселков, один из которых носил название Кичмай (старый Кичмай). Агуй возник там, где тоже было 8 поселков, что, как полагают, отразилось в его названии, происходящем от выражения, означающего по одной версии «восьмь ладоней», по другой — «Принимающие пищу из ладони». Все эти поселки были родовыми и носили имена по фамилиям «родов»: Абреджиты, Шекестам, Якошетам, Хороротам, Хунегам, Чушхакабат, Кашникхабат, Колехо. Основными же современными родственными группами в а. Агуй являются Нагучены, Шхалаховы, Кудаке, Мафагел, Алало, Натко, Туко. Известно, что Мафагел переселился туда в 1872 г. при образовании аула из а. Чапсан (ныне пос. Архипово-Октябрь), Нагучены и Шхалаховы жили ранее в верховых рек Небо и Неогу. Кудаке переселились из Джубги.⁴⁸ Другие селения возникли заново, что отразилось в их названиях. Так, в Хаджино (III Красноалександровской) делится на две части, обозначаемые по названию тех мест, где шапсуги жили на Кубани: Мезмый (Мезмай) в память о станице Темирлекской и Асеретх — по алтайскому наименованию станицы Даховской.

История образования каждого аула хорошо известна всем жителям, имена первопоселенцев, как и те участки в селениях, где были построены первые дома, называются по первой просьбе. Наши информаторы подчеркивали, что типичным способом расселения была группировка родственников по кварталам, образовавшимся вблизи водных источников.

⁴⁶ Топографическая карта: Краснодарский край: Республика Адыгея: масштаб 1 : 200 000. Всесоюзно-топографическое управление Генерального штаба, 1996. Л. 60—61. 68—69.

⁴⁷ Золотые россыпи Шапсугии. С. 104.

⁴⁸ Золотые россыпи Шапсугии. С. 100—104, 139—141.
Там же. С. 198.

Расселение кварталами характерно для части современных аулов. Одним из примеров подобной организации может служить группировка родственных семей в а. Б. Кичмай. Основными фамилиями аула являются Гашевы, Хушт и Коблевы, которые имеют свои родовые кварталы. Далее нами термином «фамилия» будут называться крупные объединения, созидающие реальным и декларируемым родством, а также общее для них наименование. Примечательно, что кварталы Гашевых и Хушт выделяются прочно, представляя собой плотные пятна застройки, заселенные только представителями родственных семей, объединенных одним фамильным обозначением. Дома фамилии Коба не составляют таких агломератов, семьи этой группы разбросаны по всему селению. Тем не менее распределение их домов тоже считается кварталом, что позволяет считать, что пространство объединения родственников может существовать не только в физической, но и в виртуальной реальности. Подобные кварталы образуют и дома Кетаев, потомки кузнецов и переселены из старого Кичмая.

Квартал Гашевых имеет вполне законченное пространственное решение, содержащее множество значимых компонентов. В глубине квартала находятся площадка с ореховым деревом, где собираются мужчины, она имеет значение реального центра фамильного участка и средоточия пространства Гашевых. Через квартал протекает речка, напитанная по фамилии, и это дает основание для воспроизведения устойчивой традиционной культуры по образованию у водного источника центра женского пространства семьи. Ниже у реки находится площадка для общественных праздников, площадка выделена с учетом возможности проведения на ней конных скачек. Летом 2001 г. ее использовали для проведения свадьбы одного из представителей фамилии Гашевых. Кварталу соответствует и участок собственного родового кладбища фамилии. Сохранились представления о семиотике верхнего и нижнего концов поселения. Более почетной и важной частью квартала считается верхняя. При расселении по истории образования селения или об особенностях организации фамильного квартала обязательно подчеркивается, что более привилегированным местом было то, которое находилось выше, что «сползание» квартала вниз явилось результатом естественного процесса, при котором каждый младший домохозяин занимал место ниже, чем то, на котором стоял дом его старшего родственника.³⁰

Примечательно объяснение брачной позиции жителей фамильного квартала, в котором сочетаются принципы родственной и территориальной взаимосвязи. Указывается, что нельзя жениться на женщине однодомохозяйке, запрещено жениться на представительнице рода матери и нежелательно вступать в брак внутри селения. Между фамилией Гашевых, и одной частью фамилии Хушт браки невозможны, так как на уровне предела они уже породнились, но с другой частью брачные отношения пока еще не-

Усадьба черноморских аланутов

спективы³¹. Так квартал выступает пространственным воплощением сохраняющихся принципов патронимического объединения родственников, частью фамильного пространства.

Наличие патронимических кварталов прослеживается и в других шапсугских селениях. В а. Псебб начальную его часть образует участок Коблевых, а земля за Псебинкой застроена домами Атмизовых; основу в. Псешухо составляют четыре квартала: Кобитах (пословно «квартал Коблевых») на северной окраине. Тахъю на южной окраине, Хъабраузутамэр в центре аула и Тубз на северо-восточной окраине.³²

Вместе с тем существуют аулы, в которых похвартальная структура не прочитывается. Особенно такая картина характерна для аулов центральной части современной Черноморской Шапсугии, при этом на первый взгляд создается впечатление, что в таких крупных аулах, как Хаджи-ко или Калеэ, наблюдается членесполное расселение семей различных фамилий.

Истинность данного впечатления была проверена в процессе обработки данных, записанных в книгах похозяйственного учета, хранящихся у местной администрации.³³ В книги внесены данные по каждой семье,

³⁰ ПМА. Информатор: Аслан Гашев.

³¹ Золотые рассказы Шапсугии. С. 169, 179.

³² Знакомство с книгами похозяйственного учета было возможно благодаря любезному содействию глав Лыткутинской и Кичмайской местной администрации, за что хочу выразить им большую признательность. В то же время в таком содействии было отказано в администрации аула Тахъю.

³³ Полевые материалы автора. 2001 (далее — ПМА). Информатор: Аслан Гашев. 1971 г. р., учитель кичмайской школы, собиратель и знаток истории и быта аула.

владеющей домом или участком в ауле, факт записи означает, по современным нормам, признание упомянутого коллектива объединенным родственными или брачными отношениями и совместным ведением хозяйства, т. е. в юридическом отношении семейой. Вписанные в книгу коллективы могут существовать порознь, но могут объединяться на базе совместного пользования домом на усадьбе или быть соседями в какой-то части аула. Если структурировать по данному принципу занесенные в книги учета семейные коллективы, то можно отразить степень их ростовской кооперации, выраженной в проживании по соседству. Приведем несколько примеров. В данных, приводимых ниже, буквой обозначены участки семейного владения, общей буквой обозначаются смежные или близко расположенные участки, цифрами — находящиеся на участке дома, совпадение цифры означает наличие общего дома; номер, приведенный перед характеристикой состава семьи, соответствует порядковому номеру, под которым записаны данные об этой семье в похозяйственной книге соответствующего аула.

*Группировка семей, принадлежащих к фамилии Сизо в ауле Хаджемо
(Краснодарский край)*

- А. 1. 54. Отец, сын с женой и детьми, дочь.
- 2. 55. Сын № 54.
- Б. 1. 73. Одинокий мужчина.
- В. 1. 117. Мать.
- 118. Сын № 117 с женой и детьми.
- 119. Отец.
- 121. Сын и дочь № 119.
- 120. Пустующий дом, дочери № 119.
- 123. Мать.
- 124. Сын № 123 с женой и детьми.
- Г. 1. 127. Сын № 123 с женой и детьми.
- Д. 1. 129 Мать и сын с женой и детьми.
- 130. Сын № 129 с женой и детьми.
- 132. Отец и мать.
- 132. Сын № 132 с женой и детьми.
- Е. 1. 137. Мать.
- 138. Сын № 137 с женой и детьми.
- 139. Внук № 137 с женой и детьми.
- 140. Отец и два сына.
- Сын № 140.
- Мати № 140.
- 143. Отец с детьми.
- 144. Отец и дочь.
- 145. Сын № 144 с женой и детьми.
- 149. Отец и мать.
- 150. Сын № 149 с женой и детьми.
- 151. Бабка, брат № 149 с женой и детьми.
- 159. Отец, мать, дети.
- 161. Отец.
- 162. Сын № 161 с женой и детьми.
- 163. Мать.

- 164. Сын № 163 с женой и детьми.
- 165. Сын № 163 с женой и детьми.
- 166. Сын № 163.
- 167. Отец, невестка, внучки.
- 168. Одинокий мужчина.
- 15—19. 169—123. Пять братьев, состоящих отдельные хозяйства, об их семейном положении сведений нет.
- 182. Мать и сын, брат отца.
- Ж. 21. 183. Отец, мать, сын (младший) с женой и детьми.
- 184. Сын № 183 (старший).

В данной семейной группе 44 семьи из общего списка представлены домами и 6 местами соседского проживания, в одном из них объединены 27 семей. Справедливости ради надо отметить, что на этом участке находятся усадьбы, принадлежащие другим фамилиям, но их присутствие не нарушает характера патронимического квартала фамилии Сизо.

Группировка семей фамилии Кобзевых в Калеже

- А. 1. 1. Муж, жена, дети.
- 2. Муж, жена, дети.
- 3. Бабка, мать, дочь.
- 45. Одинокая женщина.
- Б. 1. 20. Мать и сын.
- 2. 21. Муж, жена, дети.
- 22. Муж и жена.
- Муж (брать № 22), жена.
- 26. Мать.
- 27. Сын № 26.
- Сын № 26.
- В. 1. 31. Муж и жена.
- Сын № 31.
- Г. 1. 39. Мать, дочь, внук.
- 40. Мать и два сына (средний и младший).
- Сын № 40 (старший).
- Д. 1. 42. Одинокий мужчина.
- Е. 1. 47. Отец.
- 48. Сын № 47 (младший) с женой и детьми.
- 49. Сын (старший).
- 54. Мать.
- 55. Муж (родственник № 54), жена, дети.
- Ж. 1. 58. Муж, жена, дети.
- 3. 1. 63. Мать, сын (младший). Живет в отдельном доме на участке.
- 64. Сын № 63 (средний) с женой и детьми.
- 65. Сын № 63 (старший) с женой и детьми. № 64 и 65 имеют общий дом.
- И. 1. 79. Бабка.
- 80. Муж (сын или внук № 79), жена, дети.
- К. 1. 119. Мать и сын (младший).
- 120. Сын (старший).
- Л. 1. 133. Мать.
- Сын (старший).
- Сын (младший) с женой и детьми.
- М. 1. 139. Одинокий мужчина.

- Н. 1. 151. Мать и дочь.
 О. 1. 174. Отец, сын (сынья), дочь, внук.
 175. Сын №174 (младший) с женой и детьми.
 176. Сын (старший) с женой и детьми.
 Р. 1. 181. Бабка.
 182. Муж (сын или внук № 181), жена, дети.
 С. 1. 183. Одинокая женщина 1939 г. р.
 186—189 — одиноки, о которых отсутствует необходимая информация, возможно, в зуле не живут.

Из 46 записанных в списки семей фамилии Коблевых позиция четырех не понятны, остальные 42 семьи объединены в 24 дома и 16 участков с соседским проживанием. Из этих участков в двух находятся по 4 дома с 4 семьями в первом случае и 7 во втором. Принципы патронимического расположения родственников замечты, но выражены слабо.

Как видно, Коблевы в а. Калеж живут более разбросанно, чем Сизо в Хаджико, но следует помнить, что Коблевы в Калеже наиболее многочисленная фамилия, а их роль в возникновении этого аула была ведущей, они в прошлом были самыми сильными родственниками объединения Шапсугии.

Патронимический принцип замечен в расселении больших родственных объединений центральной зоны Черноморской Шапсугии, то есть, конечно, в различной степени. Приведем несколько наблюдений. Фамилия Чачух в Хаджико представлена 17 списочными семьями, объединенными в 13 домами и 9 участками соседей, на одном участке находятся 5 помон в семье. У Напео в Хаджико 37 семей, 17 домов, 11 соседских участков, в один из кварталов входит 8 помон и 14 семей. Фамилия Харту в Калеже состоит из 21 семьи, 16 домов, 12 участков, в одном участке — 2 дома и 3 семей. Текеневы в Наджиго состоят из 35 семей (из них положение 4 неясно), 20 домов и 17 участков, на одном из участков — два дома, 4 семьи.

К имеющимся наблюдениям можно отнести по-разному. Средние величины (2—3 семьи на участок соседского проживания) или арифметическое преобладание числа отдельно проживающих семей могут рассматриваться как свидетельство против сохранения принципа квартальной группировки семей. Наличие участков, объединяющих большое число семей и домов, является примером сохранения патронимической организации. Положение, очевидно, соответствует разновесному соотношению установок на раздельное или совместное расположение семейных участков аула внутри одной фамилии. Дополнительная сложность представляется то, что пространство квартала может существовать в виде виртуального пространства, т. е. преимущественно в сознании жителей, но у нас отсутствует фонд их мнений относительно сохранения патронимических кварталов в аулах центральной Шапсугии.

Проблема сохранения патронимических кварталов может быть решена через достижение представления о развитии коллективистских норм в семейной организации современных шапсугов. Ответ на этот вопрос много может дать для определения степени личной свободы человека в шапсугском обществе.

При просмотре похозяйственных книг обращает на себя внимание высокий уровень единства семей, имеющих общее жилище, при том, что земельные участки между такими семьями поделены и разделенное владение ими документально зафиксировано. Уровень объединения более заметен, если долю совместно использующихся домом семей оценить вместе с долей рядом находящихся участков родственных семей. Общее число объединенных семей составляет меньше суммы семей, пользующихся общим домом и проживающих по соседству, так как какая-то доля семей будет отличаться принадлежностью к обеим категориям. По нашим подсчетам получились следующие показатели.

В Хаджико общим домом пользуются при разделенных участках — 52%, соседствуют 18% семей, всего связанны в объединение не менее 58% семей. В Калеже эти показатели соответственно равны 43%, 23% и 56%, в Наджиго — 34%, 20%, 48%. Если учесть, что население аулов центральной зоны составляет от одной четверти до одной трети «аульчан», то при $r = 0,95$ для всех аулов Шапсугии доля объединенных семей может составить от 46 до 58%. Таким образом, не менее половины всех семей объединены только в физическом пространстве, и это означает, что установка на объединение семей весьма значительна.

Отвлечемся на время от проблематики крупных фамилий Шапсугии, чтобы вернуться к ней после рассмотрения вопросов семейной организации. Исходными данными для этого по-прежнему являются сведения, находящиеся в похозяйственных книгах аулов центральной зоны Хаджико, Калеж, Лыготы и Наджиго. Согласно им, семейный колектив состоит из нескольких человек, от 1 до 11, или из людей, представляющих совместно проживающие поколения, от 1 до 4. Однако отмечено, что от трети до половины всех выделенных семей, согласно книгам, заявляют, что имеют общий дом или что дом имеет только одна из семей, проживающих по одному адресу. Данный факт заслуживает особого внимания, но его трактовки могут быть различными.

Если идти от раздела участка между семьями, находящимися в близком родстве, то сохранение общего дома может рассматриваться как свидетельство сохранения большесемейного единства, он является скорее символом родственного единства, чем общим жилищем, возрастает значение дома как места для собраний родственников. В целом подобных функций общего дома несколько противоречит канонически описанной тенденции распада большесемейной организации в прошлом, когда сначала делали «котлы», т. е. жилища и домашний скот, потом обрабатываемую землю, затем используемую землю (пастбища, поконы) и в последнюю очередь леса.³⁴

То, что общий дом формально принадлежит только одной из семей, различиями земель, отнюдь не означает, что остальные семьи не имеют жилищницы. Привычная организация усадьбы не только шапсугского, но и

³⁴ Смирнов Я. С. Семья и семейный быт // Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968. С. 175—273.

любого северокавказского жилья диктует наличие на ней нескольких домов. Можно говорить о двух основных вариантах: либо при наличии основного дома, в котором живут хозяева, строится новый дом, предназначенный для сыновей и приема гостей, либо хозяйственным становится новый дом, а старый превращается в кухню и кладовую, но часть его сохраняет функции жилища. В Шапсугии проживание старшей родительской пары в доме, где находится кухня, является распространенным, что вполне соответствует переживанию обычая объединения пространства старших с местом нахождения семейного очага. Отметим, что в достаточноном числе наблюдений для признания факта достоверным, главный дом был записан за старшей родительской парой (не обязательно полной), проживающей с младшим сыном, или домочадцы были группированы с выделением родительской пары. Если же дом записан за семьей старшего сына, то родители вместе с младшим сыном или сама по себе живут в доме с кухней. Таким образом, сохраняются элементы отношений, присущих большесемейной организации, как и принципы минората и отделения старших сыновей.

Однако было бы неверным рассматривать наличие общего дома у группы семей только как сохранение традиционных начал семейной организации. Раздел земли, проживание в других домах, помимо общего, это явление современности, состоящее не только в выделении младой семьи, но и в дифференциации судьбы разделявшихся семейных коллективов. Разделение семей уже на протяжении несколкx десятков лет, в фактически весь период российской истории шансотов проходило в условиях озера и тесных лугов. Если не считать времени становления ШНР, то с конца XIX в. не возникло ни одного нового аула. Напротив, часть населенных пунктов, известных, например, в 1920-х гг. (хут. Колхоз в окр. Агуа, поселки Чертовых Мостов и Науки выше Краснодарского аула), уже давно не существует³³. Сокращение числа сельских поселков является общим процессом XX в., этот процесс имеет несколько предпосылок.

Каждый аул мог расширяться только в пределах собственной территории, и к настоящему времени все возможности расширения уже исчерпаны. Дробление земли невозможно за исключением участка, закрепленного в семейном пользовании. И оно происходит только там, где одна из семей наследует часть участка и главный дом. Так воспроизводятся категории «аульчи».

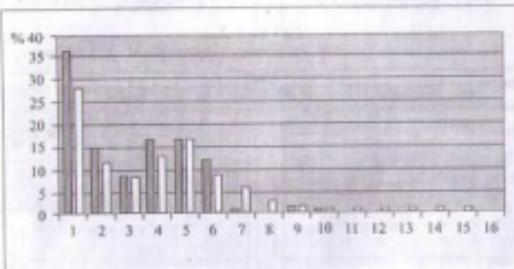
Остальные семьи переходят в скрытую маргинальную позицию. Большинство из них ориентируются на деятельность на побережье, включаются в его экономику, а аулы для них превращаются в спальные поселки, семейные земли — в садовые участки. Такие потенциальные «горожане», пока в пухах обеспечивается занятость, могут оставаться в них, но при малейших проблемах в этой сфере превращаются в избыточное население. Приблизительная оценка избыточного населения, образуемого в про-

цессах раздела семей, — около 10% (из расчета того, что на один общий дом приходится от одной до трех семей).

Семейная структура может быть проанализирована в категориях колективизма и структуры. Коллективизм выражается в числе людей, составляющих семейные объединения. Базовой формой семьи мы предлагаем считать объединение, пользующееся общим домом (П).

Количественный состав семьи (в %) представлен на графике 1.

График 1
Численный состав семей аулов центральной части Черноморской Шапсугии по количеству членов семьи. 2001 г.

Примечание:

Темные вертикальные линии — согласно сплошным данным; светлые вертикальные линии — согласно исправленным данным.

Построенный график 1 наглядно показывает, что нормой являются два типа численного состава семьи: 1) из одного человека и 2) из 4—6 в первом случае и 4—7 во втором (в среднем 5). Во втором варианте, который, как мы считаем, более правилен, доля одиночек уменьшается и несколько увеличивается доля семей численностью от 8 до 17 человек.

По структурному составу все семьи делятся на следующие группы:

- 1.1 — одиночки молодых и зрелых возрастов, не создающие семьи (не прописанные с родственниками на данном участке),
  - 1.2 — одиночные пожилые люди,
  - 2.1 — пара из брата и сестры,
  - 2.2 — муж и жена молодых и зрелых возрастов,
  - 2.3 — пара — муж и жена пожилые,
  - 3.1 — двух поколенные семьи: дядя (тетка) — племянница(ша),
  - 3.2 — двух поколенные: родители пожилого возраста и дети зрелого возраста,

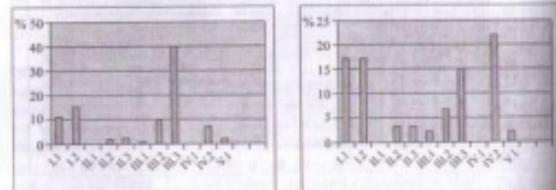
³³ Список населенных пунктов Краснодарского края за 1925 г. Краснодар, 1926. С. 386—387.

- 3.3 — двухпоколенные; родители молодые и зрелые и их дети,
 4.1 — трехпоколенные неполные (леди и инуки),
 4.2 — трехпоколенные полные,
 5.1 — четырехпоколенные.

Соотношение различных вариантов организации семьи по четырем аулам центральной Шапсугии и в двух видах отношения к исходным данным (слева — принесены без изменения записи похозяйственных книг и справа — считая базовой группой родственников, объединенных вокруг общего дома семьи) приведено на графиках 2—5. Решающее значение принадлежит обобщающему графику. Обратить внимание следует, в первую очередь, на то, что характерно для всех графиков.

График 2

Численный состав семей аула Наджиго по структурным группам. 2001 г.

ществует как некая переходная форма движения семьи от взрослой брачной пары вместе с малененькими детьми к семье из стариков с взрослыми детьми. Нельзя не отметить и неявное, хотя и достаточно редкое, существование четырех поколенной семьи.

Одним из вариантов двух- и трехпоколенных семей является совместное проживание женатых братьев с детьми. Можно говорить о двух видах семей, сохранивших нормы большой семейной организации:

трехпоколенная семья,

семья из двух женатых братьев.

Именно они и дают преобладание родственно-хозяйственной единицы в 4–8 чл., типичной для аулов Шапсугии.

Списочный состав населения позволяет проследить такие варианты семейных ассоциаций вокруг общего дома: мать — сын; старшая семейная пара — их сын с женой и детьми — их внук; пожилая женщина — ее сын с женой и детьми, ее внук с женой и детьми; старшая семейная пара с сыном, невесткой и внуками — их сын с женой и детьми; женщина с ее сыном (младшим), невесткой, внуками — второй сын (старший) с его женой и детьми; мужчина — его племянник с женой и детьми; мужчина с женой, невесткой и внуками — их сын (старший) с женой и детьми; женщина — ее сын с женой и детьми — второй сын; мужчина и его дочь — старший сын — младший сын; бабка — женщина с двумя сыновьями — его сын (старший); мужчина — его сын и дочь и т. д. Таким образом, «дом» представляет собой небольшую общину отцовского типа из трех поколений структуры: старшая семейная пара (полная или неполная) — жены и сыновья с детьми. При этом юридическая и в отношении землепользования «дом» разделен на семьи, являющиеся преимущественно двухпоколенными объединениями. Прелюдия к созданию «семьи» в составе «дома» является отделение старшего сына. Девушки выходят замуж и переходят в другие «семьи» и «дома».

При образовании «кварталов» из «домов» усложняется структура ассоциации, но не за счет увеличения в ней числа поколений, которых остается все равно три, а за счет объединения боковых ветвей, т. е. вступает в действие принцип образования общини братского типа. Так, в «кварталах» Нансо и Хаджико близко находятся два участка, где старшее поколение представлено двумя братьями. У первого из них два взрослых сына, у второго — три, все семь человек отмечены как отдельные «семьи», в каждом из участков отец и младший сын образуют «дом», а остальные сыновья отделены. В «кварталах» есть еще два участка, их старшие домохозяева имеют через поколение общего предка с называемыми семьями. В одном участке один «дом» из трех «семей», представленных женшиной и ее взрослыми сыновьями. В другом — два «дома», в которых живут молочные братья, одни из них проживают вместе с семьей дяди.

Благодаря привилегии к «домам» и «кварталам», как физически реальным, так и виртуальным, почти втрое может быть уменьшено число одиноких «гульчан» пожилых возрастов, что свидетельствует о практики полной их включенности в семейные группы. В Черноморской Шап-

сугии, как и в селениях народов Северного Кавказа нет одиноких, лишенных поддержки стариков, до самой смерти они находятся в сети социальных связей и долгового внимания. Напомним, что в аулах нет и одиноких женщин. Все это позволяет говорить о высоком уровне колективизма населения шапсугских аулов, базирующегося на семейство-родственных связях. Его выражением является размер элементарной группы, состоящей в среднем при $p = 0.95$ из 4,91 ± 0,20 (при неизмененных исходных данных) и 5,47 ± 0,25 чл. (при измененных данных) и образованной двумя поколениями, но функционально существующей в ассоциации из трех поколений с боковыми ответвлениями. Последнее мешает уверенно признать семью шапсугов — «гульчан» малой ядерной. Ассоциации можно рассматривать как пережиточную форму большесемейной организации.

Число «семей», состоящих из одиноких молодых и зрелых мужчин, падает при учете связей в «домах», но незначительно уменьшается при рассмотрении связей в «кварталах». Это понятно, так как дом одиноких мужчин разбросаны по всему пространству селения, не вписываясь в его квартальную структуру. Наши подсчеты показывают, что количество домохозяйств, принадлежащих одиноким мужчинам, в аулах центральной Шапсугии не менее 8—13% от общего числа семей. Значительная часть молодых мужчин в похозяйственных списках упоминается в конце записей, где о лицах не сообщается ничего, кроме анкетных данных. Вместе с ними упоминаются и женские фамилии, но реже. Они причислены к жителям аулов, но хозяйства в них не ведут и, скорее всего, здесь и не живут. Реально это «горожане», сохранившие право на участок земли. Есть и такие лица, которые имеют только право на участок при отсутствии последнего. В данном плане ситуация в Черноморской Шапсугии мало отличается от той, которая типична для окрестностей метрополисов, впитывающих сельское население. Потенциально «горожанами», очевидно, являются и многие из одиноких домовладельцев.

Коллективизм семейных групп и существование одиноких отражают разные явления: традиционные адаптированные к современным условиям установки групповой идентичности и характерный для урбанистического мира процесс роста индивидуализации. Непростым является фактор несовпадения реально существующих родственных ассоциаций и той картины, которую дают похозяйственные книги. Записи в них, показывая господство малой ядерной семьи и завышая численное преобладание одиноких, не просто изменяют картину семейного единства в аулах. В определенной степени они указывают и на двойственность сознания, когда для официального употребления предлагается несколько иная модель общественных связей, чем существует в реальности. Можно считать, что аутентичные соционормативной культуры шапсугов разделяются на внутренние и репрезентируемые для внешнего наблюдателя.

Коллективизм семейной жизни является постоянным фактором родственников и соседей. Он существует и шире, но проявляется эпизодически в моментах взаимопомощи. Данный общественный институт типичен для шапсугских аулов и широко распространен на Северном Кавказе и жизне-

сток³⁶. Он проявляется в участии однофамильцев людей, связанных с ними отношениями родства и свойства, в работах по строительству дома, при совместном сборе орехов, в случаях при проведении свадеб или похирок, мужчины кооперируются при сенокосе, женщины при обработке продуктов урожая. Участие женщин более заметно, так как они при любом случае совместных действий готовят еду, обязательно подкармливая маслом лепешки — чеки. Примечательно, что помощь привлекаемому в селение этнографу в его изысканиях организуется тоже по законам родственной взаимопомощи, что естественно в русле традиций гостеприимства. В ауле связи между фамилиями — сильны, поэтому взаимопомощь охватывает широкий спектр населения, но основной круг содействия лежит внутри представителей одной фамилии.

В составе каждого аула преобладают несколько фамилий. Так, в а. Агуль-Шапсуг Нагучены и Шхалаховы составляют половину числа семей, так же как в а. Псебо Шхалаховы и Ачмизовы. Из 22 фамилий а. Б. Кичмай три фамилии Гашевы, Хушт и Кобж составляют 68% всех семей. В М. Кичмасе к фамилии Тифи принадлежат около трети всех семей, около 15% семей относятся к фамилии Нифо. В Наджибе две трети семей представлены Шхалаховыми и Тешевыми, и только Тешевы в селении 49% семей. В Кадзеке 69% семей составляют фамилии Коблевых, Харгу, Хахо и Танф, ~~при общем наборе в 20 фамилий на долю Коблевых приходится 28% семей~~. В Хаджико Сисю составляют 25% семей, вместе с фамилиями Чечух, Напс, Хайшко они охватывают почти 70% семей.

Другую группу составляют фамилии, не столь многочисленные, но тоже более типичные для определенных селений: Натхо, Боус, Герох, Глане и др.

Характер распространности фамилий в Шапсугии при неизбежном нарастании интеграции между родственными группами демонстрирует тенденцию сохранения локальной приватности фамилий. С одной стороны, налицо размытие связи фамилии и территории, что легко проследить по тому, как проходило в XX в. расселение по всему побережью, например, фамилии Ачмизовых. С другой стороны, много фамилий концентрируются в одних селах и редко представлены в других. Так, Коблевы в Шапсугии расселены так, что имеют квартал в Псебо, и Б. Псесуло, отдельные представители в М. Псесуло и Головинке, в Кадзеке они расселены так, что этот аул можно было бы назвать их родовым поселением, но в Наджибе и Б. Кичмасе у них по одной семье, две семьи живут в Ахчитаме, одна — в Хаджико. Коблевы являются фамилией, представленной и в хакаской и в северокавказской частях индоевропейской территории.

При расширении расселения Шхалаховых, Нагучевых эти фамилии явно преобладают в северной зоне вместе с Кудаке, Марагел, Алало, основными фамилиями крупнейшего а. Агуль. Северными являются и Хуневы, считающиеся первопоселенцами а. Цымка. Основную часть простран-

ства фамилии Тешевых можно разместить по линии, ссылающейся а. Псесуло и Наджиго. Ядро территории Нифо, Сисю, Хахо, Боус и др. находится в центральной зоне Шапсугии. Фамилия Чачух в большей степени локализуется в а. Калек, Хаджико на р. Аши и а. Тхагата на р. Псесуле. Фамилии Хушт и Глиф преобладают в центральной и южной зонах, а для Гашевых центром является а. Б. Кичмай в южной зоне.

Сохранение очагов фамильного пространства на карте современной Шапсугии позволяет считать принадлежность к фамилии важным и сильным фактором самоопределения личности.

Фамилии Коблевы и Натхо старше всех остальных. В дороссийское время Кобле считались самым сильным объединением общинников у шапсугов, а Натхо — основным катухалевским кланом. Таким образом, эти две фамилии представляют реалистическую общность, которую принято называть эзикъ, т. е. альянсский род-племя, охватывающий максимальное число поколений. Родственные объединения у адыгов классифицируются по трем группам: эзикъ верхнего уровня, эзикъ нижнего уровня, входящий в первый, и мезикъ, составляющие эзикъ второго уровня³⁷. Современные Коблевы — это несколько семейных общинников, базирующихся на отдельном населенном пункте или квартале, т. е. несколько якою, родственных объединений, охватывающих порядка трех-четырех поколений по восходящей линии. Такими же якою являются и остальные шапсугские фамилии.

Семейное сознание в диахронном плане существует преимущественно в памяти о предках и преданиях о происхождении фамилии.

Напоминать о предках, очевидно, существует в двух временных диапазонах. Первый из них охватывает отрезок в три-четыре поколения. Второй связан с определяющим социумом в истории рода. Как правило, называются предки до пралеза, так обычно о своей семье рассказывают молодые, зрелые и даже пожилые люди, если их жена сформировалась при Советской власти. Лица, родившиеся в 1920 г. и ранее, или молодые, но постаревшие узнать свою родословную, могут называть больше предков. От наших современников, иссогоников, привычнее услышать короткую родословную, но это не означает, что сила исторической памяти родственников такова. Скорее короткая родословная возникает в равной мере из обстоятельств современного «общественного общества», предъявляющего короткую память, и из законного желания не делиться с посторонним человеком тем, что составляет свой, интимный фонд памяти. Если спрашивающий вызывает большие доверия, он может и услышать больше. То, что память предков простирается дальше трех-четырех поколений, великолепно иллюстрируют практикующиеся в школах задания по подготовке родословных, и школьники пишут длинные родословные. Однако этот пример показывает, что нашим современникам для развития исторической памяти требуется дополнительное усилие.

³⁶ Ключарев М. В. Экологические аспекты традиционной культуры народов Северного Кавказа. Тбилиси, 1989. С. 137—184.

³⁷ Асанов Ю. И. Родственные объединения адыгов, балкарцев, карачаевцев и осетин в прошлом. Нальчик, 1990. С. 60—131.

Приведем несколько родословных, причем для каждого из упомянутых предков приведем ту характеристику, которую сам рассказчик почитал особо важной. Первое место в ряду принадлежит рассказчику, затем последовательно упомянуты его предки.

1) Хахо Аслан, 1920 г. р., а. Калеж.

Хахо Лашинцук, 1888 г. р., родился в а. Афипсис на Кубани, был бригадиром в колхозе.

Хахо Кафбек, родился в родовом урочище, обстоятельство женитьбы связаны с высыпкой горячей почвы окончания Кавказской войны.

Хахо Лингуба, родился в родовом урочище.

Хахо Хашнуштэк, родился в родовом урочище.

Хахо Бапишой, родился в родовом урочище.

Хахо Губик, родился в родовом урочище.

Хахо Лыагар, родился в родовом урочище.

2) Харту Чесербий, 1929 г. р., а. Калеж.

Харту Мурат, 1891 г. р., колхозный членовод, до 1917 г. землемер.

Харту Едым, 1830 г. р., родился в родовом урочище, переселился в Калеж по окончании Кавказской войны.

3) Коблев Осман, 1928 г. р., а. Калеж.

Коблев Сообук, 1870 г. р., родился в родовом урочище.

Коблев Кочас, 1830-е гг. р., родился в родовом урочище, в 1864 г. был выслан в ст. Дондуковскую на Кубани, через два года тайно вернулся на родину, переселился в а. Калеж.

Коблев Шак, родился в родовом урочище.

Коблев Мишоост, родился в родовом урочище.

4) Буюс Сафарбий, 1933 г. р., а. Тхагана.

Буюс Рамикан, место и год рождения неизвестны.

Буюс Тайбач, место и год рождения неизвестны.

Буюс Тхасшоа. По сведениям информатора, отец полностью помнил свою родословную до 11-го колена.

5) Гашев Аслан, 1971 г. р., а. Б. Кичмай, учитель истории.

Гашев Юнус, 1932 г. р., членовод, зоотехник.

Гашев Канамед, 1898 г. р., членовод.

Гашев Елемыз, 1808 г. р., жил в родовом поселке в местности Хакучи, холмики очень большой пасеки.

Гашев Лэнц, участник антиколониального сопротивления.

Гашев Ебъяж, жил в родовом поселке.

Предыдущими предками были адаты фамилии Аутлевых из Абадзхиан.

Из приведенных родословных реальную короткой является родословаия 4. Она достаточно типична для людей, создание которых сформировалось в 1930—1950 гг., когда в очередной раз после Кавказской войны наступил передел в исследовании культурных традиций. В то же время эта родословная записана русским этнографом²⁶. Родословные 1—3 записаны

со слов информаторов старшего поколения сотрудником Лазаревского филиала музея Сочи, шапсугом по национальности²⁷. Родословная 5 принадлежит краеведу, представителю молодежи Шапсугии, более активно, чем у родителей, проявляющей себя в поисках национальной идентичности.

Родословные 1—3, 5 объединены одним общим сюжетом,принятым историю семьи к событиям Кавказской войны: личность дореволюционного периода — человек, находящийся на своей родовой земле, глава семьи, родового поселка; личность последующего времени — труженик, профессия в своем виде деятельности, член территориальной общности, «каульчанин». О личности времен самой войны — участнике сопротивления, махаджире, репатрианте упоминалось выше.

Родословные пятикомнатных родственных объединений начинаются от конца, либо от начала Кавказской войны, или от времени выхода шапсугов на историческую арену (вторая половина XVIII в.), что практически синхронно. До конца Кавказской войны они себя не проявили, очевидно, не выделяясь среди элинских объединений. Если происхождение элинских объединений Коблевых или Натко имеет эпический-легендарный характер и источником знаний о нем является сводка Хан-Гирен «Записки о Черкесии», составленная в первой половине XIX в., то родословные пятикомнатных фамилий ведут начало от какого-либо события. Рассказ об эпизоде, положившем начало фамилии, воспринимается как версия события и имеет различия. В родословной Гашевых, приписанной хакучинской фамилии, начальный этапом, по одной из версий, было опоздание основателя племени на общественный совет²⁸. В рассказе о происхождении фамилии Тифи присутствует эпизод, рассказывающий о герическом поведении юноши из клана Коблевых, которого похвалили, называя мужчина (обыгрывается алыйское слово *лмы* — мужчина)²⁹.

Приналежность личности к пятикомнатной фамилии определяется по рождению и сохраняется за человеком на всю жизнь. Мужчина постоянно является членом фамилии. Женщины, выходя замуж, переходят в другую фамилию, но могут увидеть свидетельства отношения к замужеству женщины как временному явлению, если судить по тому, что умерших женщин могут хоронить на родовых участках кладбищ, принадлежащих отцовской фамилии. В тех случаях, когда пересекаются интересы родовых объединений, как, например, при оформлении брачных отношений, расщепляются пределы свободы личности.

Традиционные установки брачного поведения народов Северного Кавказа рассматриваются как строго регламентированные отношения между семьями и объединениями, когда будущее брачной пары определялось

²⁶ Выражают пренебрежительность за полученные сведения директору Лазаревского филиала музея города-курорта Сочи Е. Н. Денисов и сотруднику музея Светлану Хасо.

²⁷ Информант: Гашев Аслан, 1971 г. р., а. Б. Кичмай.

²⁸ Информант: Коблев Асланбий, а. Калеж.

Свадебная церемония

их старшими родственниками⁶². К настоящему времени, как полагают, произошло ослабление строгости установок, но сама она сохранилась⁶³.

Составные брачности у шапсугов было оценено по данным загс пос. Лазаревское и по упоминавшимся выше похозяйственным спискам администраций Лыготка и Кичмак. Данные загс относятся к периоду 1991–1996 гг. Всего за этот отрезок времени было зарегистрировано 164 брака, в которых принимали участие шапсуги. В гол заключается около 50 браков, но, учитывая, что в брак вступают по достижении совершеннолетия до трети мужчин и более половины женщин, индекс брачности может составлять порядка 15–18%, что выше по сравнению с данными по России почти в два раза⁶⁴.

100 (61%) браков было заключено внутри этноса, 46 браков (28%) составили браки шапсугов и русских (в их число включены 2 брака с украинским партнером), 11 (6,6%) браков — браки с адыгами других этнических групп, 2 (1,3%) — браки с абазинами, 5 (3%) — с армянами. Все коэффициенты относятся совместно к жителям аулов, поселков и городов побережья.

⁶² Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983; Тер-Саркисян А. Е. Семья в семейном быту / Под ред. Ю. Б. Симченко, В. А. Тишкова. М., 1995. Ч. 1.

⁶³ Семейный быт народов СССР / Ред. А. Багиза, О. А. Гашкаш, Л. М. Дробижева. М., 1990.

⁶⁴ Российский статистический ежегодник. М., 1996.

Эти данные интересно сопоставить с теми, которые характеризуют уровень внутристрановой и межэтнической брачности по записям в похозяйственных книгах, и рассчитать соответствующие характеристики брачности жителей побережья.

Выше были приведены сведения об этническом составе семей а. Хаджико, Калек, Лыготк и Наджиго. Рассчитанные на их основании и интерполированные ($\text{при } p = 0,95$) на весь этнический массив средние величины уровня брачности внутри этноса и с представителями других народов составляют:

по мононациональным бракам — $90,8 \pm 3,3\%$,
по бракам шапсугов с русскими — $5,65 \pm 2,3\%$,
по бракам шапсугов с адыгами других этнических групп — $5,8 \pm 4,8\%$.

Сопоставления подводят к выводам следующего порядка:

для жителей побережья уровень внутристрановой брачности составляет не 61%, а 68% (61% : 90,8% = 68%), и именно этот показатель будет считаться нижним порогом индекса эндогамности этноса (следовательно, чтобы быть ближе к истине, для расчетов по усредненным данным, отражающим эндогамность этноса, их целесообразно преобразовывать в данные по доле с минимальным значением признака с коэффициентом 68/61 = 1,1);

браки шапсугов с адыгами других групп находятся на одинаково низком уровне во всех частях Шапсугии.

Основным типом межэтнических браков на побережье являются браки шапсугов с русскими, их частота на побережье во много раз больше, чем в аулах.

Согласно данным загс мужчины-шапсуги за указанный период вступили в 139 браков, женщины в 125. По национальному составу эти браки демонстрируют следующую картину:

Всего браков	Мужчины	Женщины
139 (100%)	125 (100%)	
Из них с брачным		
партером-шапсугом	100 (71,9%)	100 (80%)
русским	27 (19,4%)	19 (15,2%)
адыгом		
других групп	9 (6,3%)	2 (1,6%)
абазином	1 (0,7%)	1 (0,8%)
армянином	2 (1,5%)	3 (2,4%)

По данной выборке, мужская брачность презирает женскую, но если произвести оценку доверительных интервалов долей, то существует достаточная вероятность, что в общей массе населения оба показателя могут сравняться. Введя поправку в показатель эндогамности и интерполируя выборочные данные на генеральную совокупность, получаем реальные характеристики уровня внутристрановой брачности для мужчин $79 \pm 5\%$, а для женщин $88 \pm 5\%$. Женщины значительно реже вступают в межэтнические браки. Показатели межэтнической брачности изменять нет необходимости.

ходимости, а их вариативность не отличается от вариативности показателей внутристнической брачности.

На общем фоне браки шапсугов с армянами, абхазами и пр. являются статистически незначительными, а браки с адыгами других этнических групп непоказательными. Следовательно, мы имеем дело с двумя видами брачного поведения, ориентированного только на внутристнические браки у «шапсугов» и на внутристнические браки, но с сочетанием браков с русскими у «горожан».

Анализируя браки между шапсугами и русскими по данным заге, получаем следующую картину (см. табл. 1).

Таблица 1

Позиция брачного партнера	Характер брака	
	Муж шапсуг — жена русская	Муж русский — жена шапсугинка
Происходящие из кузов	8 чел (29,5%)	—
Живущие на побережье	19 чел (70,5%)	13 чел (68,5%)
В том числе родившиеся на побережье	15 чел (55,6%)	12 чел (63,2%)
Всего	27 чел.	19 чел.

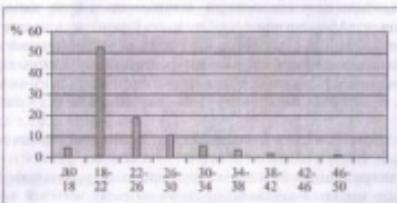
«Горожанки» чаще вступают в браки с русскими, чем аульчане, чаще в брак с русскими вступают и те, кто родился на побережье. Можно также сказать, что преобладающая часть женщин коренной национальности, вступающих в брак с лицами других национальностей, родилась и выросла на побережье.

Обратимся теперь к анализу браков внутри шапсугской общности. Данные заге позволяют получить данные о возрасте вступающих в брак, о различии возраста мужа и жены и о внутристнических брачных связях.

Для характеристики таких явлений, как брачный возраст, удобно пользоваться отражающими показатели графиками. Классовые интервалы рассчитаны таким образом, чтобы сделать графики показательными. Различия между экстремумами проверены соответствующими статистическими методами и признаны значимыми.

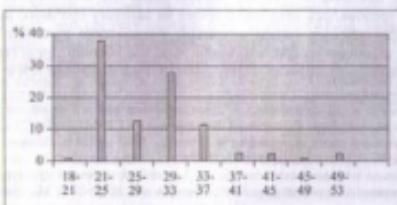
Распределение брачного возраста вовсе является простую картину. Максимум числа вышедших замуж девушек приходится на возрастной период 18–22 лет, в первые три года после достижения совершеннолетия замуж выходят половины женщин. Число девушек, вступающих в брак до достижения совершеннолетия, установленного законами РФ, ничтожно. После 22 лет число невест плавно убывает, чтобы к 30 годам выше 90% всех женщин брачных возрастов были замужем. Поскольку часть женщин в этом возрасте вступила в повторный брак, можно полагать, что распределение еще более смешено на начальный брачный возраст. Три четверти женщин состоят в браке к моменту достижения пика максимальной fertilitы в 22–24 года (см. график 6).

График 6
Возраст брачности для женщин Черноморской Шапсунти 1991–1994 гг.
(По данным Лазаревского отдела заге)

Распределение возраста мужской брачности отличается наличием двух пиков. Первый пик приходится на возраст 21–25 лет, по достижении этих лет семьи создают свыше одной трети мужчин. Затем происходит снижение количества брачующихся мужчин, причем характер падения показателя аналогичен тому, который отличал снижение брачности у женщин после 22 лет. Однако на отрезок времени около 30 лет приходится второй пик повышения числа мужчин, вступающих в брак. В этом возрасте женятся еще около трети мужчин. Во второй пик брачности включены и повторные браки, но, по нашим данным, они не формируют всплеск мужской брачности. Это означает, что в 27–30 лет женятся те мужчины, которые не стали создавать семьи в молодости. У мужчин примерно равномерно два брачных возраста, браки молодости и браки зрелости. К 31 году в браке состоят три четверти мужчин. Неважно присутствует на графике третий период мужской брачности, приходящийся на возраст после 40 лет. Такие браки однозначно являются повторными (см. график 7).

График 7
Возраст брачности для мужчин Черноморской Шапсунти 1991–1994 гг.
(По данным Лазаревского отдела заге)

Наличие двух основных периодов вступления в брак, относящихся к молодости и к зрелости, свойственно принципам построения семьи современного урбанизированного населения⁶⁵.

Распределение возраста женщин, вступающих в брак, является резко асимметричным. Абсолютное преобладание (мода) количества женщин, вступающих в брак сразу же после наступления совершеннолетия, можно рассматривать как признак сохранения традиционных брачных установок на раннюю брачность женщин при в целом современном взгляде на брак, вступление в который санкционируется государством с 18-летним возрастом.

Возможность говорить о соотношении принципов традиционного и современного социумов дает сопоставление данных 1990-х и 1900-х гг. Общие моменты можно отнести к традиционным установкам. В нашем распоряжении имеются данные о брачном возрасте жителей а. Афипси, Панахес и нескольких соседских с ними по состоянию на 1900—1911 гг. Сведения относятся к кубанским шансутам, но в данном контексте это не существенно⁶⁶.

Почти 60% женщин в начале XX в. выходили замуж в возрасте 17—20 лет. Менее одной десятой девушек выходили замуж раньше, но они не были моложе 16 лет. Okolo 20% выходили замуж от 20 до 23 лет. К 24 годам, не менее 90% женщин были уже замужинами. Сто лет назад девушки также выходили замуж сразу после достижения совершеннолетия, привыкавшего состоявшимися на 2—3 года раньше, чем сейчас. Данные метрических книг не дают основания для признания нормой для шансутов позднего брачного возраста женщин.

Мужская брачность начала XX в. отличается тем, что дает максимум браков в когорте молодых мужских возрастов 18—22 года. Затем уровень браков плавно снижается к 30-летию без образования второго пика. Браки мужчин моложе 18 лет нам не отмечены. С 30 до 45 (50) лет у мужчин наступала пора повторных браков. В этом возрасте отмечены и третий браки, после 55 лет имели место и четвертые браки мужчин. Повторные браки по количеству заметно уступают первичным.

Динамика установок мужского и женского поведения в аспекте брачного возраста выглядит сходной, хотя мужчины входят в брак более плавно. Давнее обстоятельство, как можно подумать, объясняется тем, что мужчинам требовалось некоторое время на выплату брачного выкупа. Но все же спервающие темы женитбы воздействие практики платы за невесту не выглядят таким значимым, как это обычно представляется. Выкуп за невесту имеется в метрических книгах начала XX в. калымом

⁶⁵ Гринин И. А. Демографические характеристики семьи у основных национальностей северных республик // Семейный быт народов СССР. М., 1990. С. 7—21.

⁶⁶ Метрические книги а. Афипси и Панахес. 1900—1911 гг. Лазаревский городской архив. Б. №.

⁶⁷ Социально-экономические отношения и социокультурная культура: Свод поэтапий и терминов / Под общ. ред. Ю. В. Бровки и Г. Штробаза. М., 1986. С. 29, 86, 124, 220.

и представляет собой удивительно постоянную величину. Выкуп в рублевом эквиваленте составлял сумму в 540 руб., из которых от 140 до 340 руб. вносились перед свадьбой (40—50 руб. деньгами, а остальная сумма скотом), оставшаяся часть выплачивалась позднее. Стабильная величина калыма и возможность внести значительную его долю позже, вполне возможно позволяли собрать необходимый выкуп уже к совершеннолетию. Собирали нужную сумму не только родители жениха, но и его родственники. Именно потому, что воздействие фактора выплаты калыма не было сильным, остается считать ведущим критерием готовности вступления в брак возраст.

По публикациям брачный возраст шансутов в прошлом был раним, у мужчин — 19 лет, а у женщин — 17 лет⁶⁸, что близко к нашим данным.

Современное жеование утверждает, что брачный возраст у девушек был близок к 20 годам, а «мужчины у шансутов мог жениться в 24—30 лет, раньше не разрешалось»⁶⁹.

На протяжении столетий брачный возраст изменился в сторону его повышения, что особо заметно по модальным величинам. Женщины в начале века преимущественно вступали в брак в 17—20 лет, в конце века — в 18—25, мужчины соответственно — в 18—22 и в 21—25 лет, а также в 27—31 год. Мужская брачность намного сильнее эволюционировала в сторону урбанистического типа, женская сохранила действенность традиционных установок.

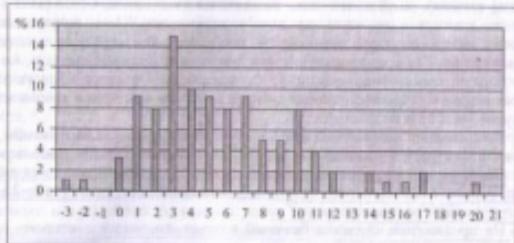
Было бы неверным считать мужское брачное поведение нашего времени сугубо урбанистическим. О сложности явления можно судить по тому, что из 42 мужчин, вступавших в брак во второй период (27—31 год), 26 (более 50%) женились на женщинах из группы раннего брачного возраста (18—22), и только 16 из сверстниц и женщин младше на 2—4 года. Для урбанистических браков характерна подавленность обеих партнеров и единство возрастной группы, что определяется подбором пары по сходству жизненного опыта. Те, кому «за триптих», склонны подыскать такого же партнера.

Характер зрелой мужской брачности становится более понятным, если рассмотреть показатель разности возраста в браке мужа и жены. Распределение показателя, по данным загс и похозяйственных книг, указывает на наличие нескольких групп, неизменно различающихся при $P = 0,95$ по критерию Манна—Уитни (см. график 8). В первой группе разность составляет 3 года, что следует считать браком сверстников. При соотношении 4 : 1 такие браки заключаются в молодости. Во второй группе разность возрастов варьирует около величины в 10 лет (7—12 лет), что типично для семьи из зрелого мужчины и молодой женщины. Намечено существование группы, характеризующейся разницей в возрасте мужа и жены в 15—20 лет.

⁶⁸ Шварц И. О черкесской свадьбе // Религиозные переговоры у черкесов-шансутов. М., 1940. С. 23.

⁶⁹ Чубакчев Г. Я. Свадебно-обрядовая культура причерноморских адыгов как этнодидактическая ценность. Майкоп, 1998. С. 22.

График 8
Разность в возрасте мужа и жены в семьях Черноморской Шапсугии 1991—1994 гг.
(По данным Лазаревского отдела загс)

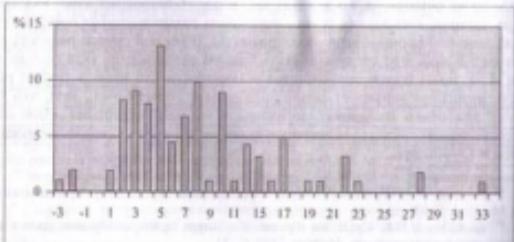

Распределение, относящееся к началу XX в., по структуре близко к современному (см. график 9). В нем выделяются две группы: брак ровесников, характеризующийся разностью возрастов в 5 лет, и брак разновозрастных людей с различием в 8—10 лет. Далее идут вторичные браки пожилых мужчин и стариков на молодых девушкиах, составляя группу с границами 7—14 лет со средней величиной 8—10 лет. Сопоставление распределений начала и конца XX в. позволяет отметить:

нормативность представления о том, что муж должен быть старше жены;

некоторое сокращение разницы в возрасте брачных партнеров-сверстников при стабильности различия в группе разновозрастных.

График 9
Разность в возрасте мужа и жены в семьях кубанских шапсугов в 1900—1911 гг.
(По данным метрических книг зульев Афиппии и Панахея)

восприятие соответствию эпохи отрезка времени в 3—5 лет как не составляющего существенной величины;

признание различия в возрасте мужа и жены атрибутом сохранения традиционных установок брачного поведения.

Одной из важных тем, затронуть которую позволяют данные загс, является вопрос о взаимных связях крупных родственных объединений Шапсугии. В брачные связи 1991—1996 гг. была вовлечена 41 фамилия. Согласно источнику, среди них преобладают семьи, проживающие в Лазаревском районе Большого Сочи, но в общем перечне присутствуют места проживания и фамилии Туапсинского района. В общем массиве выделяется несколько фамилий, упоминавшихся в 3—5 раз чаще остальных. На их долю приходится 73% браков. По фамильным числу браков составляет следующее распределение: Пещени — 14 браков; Гвацины — 13 браков; Напео — 13; Ухшит — 12; Сизо — 12; Шалаховы — 11; Гиф — 10; Хейшико — 10; Колбены — 9; Нифбо — 9; Бус — 6; Чачух — 6; Кобж — 6; Хахо — 6; Тахгулемы — 5; Ачмизовы — 4. Первые 8 фамилий дают подавляющую часть всех браков. Но ни при охвате только избранных фамилий, ни при анализе связи между всеми этими фамилиями коэффициент сходства различия Юла—Кэндела не превысил 0,32, что говорит об отсутствии приоритетов в брачном выборе между фамилиями. Названные фамилии просто являются наиболее многочисленными и представленными в разных аудио. Таким образом, можно считать, что «брачное поле» Шапсугии составляет все семьи, и клановые отношения в данном плане не являются существенными.

Несколько иначе строятся связи по территориальному принципу. Распределение браков по населенным пунктам показательно. В представленной табл. 2 порядковый номер обозначен населенный пункт, по горизонтали указаны места проживания жениха, по вертикали — невесты.

Ограничичность данных по Туапсинскому району наблюдается в силу специфики сбора первичного материала.

По нижней половине таблицы фиксируются кластеры I—III Краснодарско-Александровские (Хаджико, Калеж, Лыготх), Большой и Малый Кичмай — Головинки, а также Сочи — Лазаревское. Это указывает на территориальные предпочтения аудиов центральной и южной зон Шапсугии и городов побережья.

Обработка данных, содержащихся в похозяйственных книгах, позволяет построить картину половозрастной структуры аудиов центральной зоны Шапсугии. Она представлена в двух вариантах (см. графики 10—13), по возрастным группам, взятым в отрезке 5 лет и по свойственным северо-кавказскому обществу возрастным категориям. Под последними понимаются возрастные градации, имеющие в данном обществе социальное значение.

Первые из графиков (графики 10—11) позволяют проводить сопоставление с хрестоматийными образцами демографических моделей⁷⁹.

⁷⁹ Аксюра Т. Н. Демографическая структура и долголетие сельского населения округа Робертсон штата Кентукки // Феномен долголетия. М., 1982. С. 213—

Население	Таблица 2														
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Агуп	1														1
М. Псевдо	2														
Б. Псевдо	3														
Цатка	4														
Туапсе	5														
Наджиго	6														
I—III Краснодарские	7	2	1												
Шахфит	8														
Хлагаш	9														
Головница	10														
Б. Кичмай	11	3													
М. Кичмай	12														
Дагомис	13														
Лазаревское	14	1													
Сочи	15	1													10

График 10

Распределение женщин по возрастным категориям по аулам центральной и южной части Черноморской Шапсугии в 1994—2001 гг.

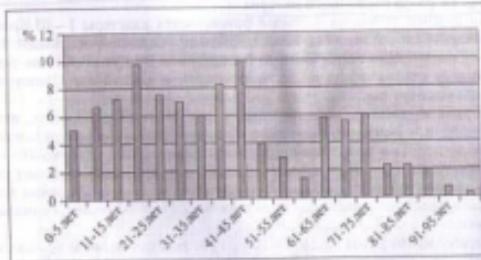

График 11

Распределение мужчин по возрастным категориям по аулам центральной и южной части Черноморской Шапсугии в 1994—2001 гг.

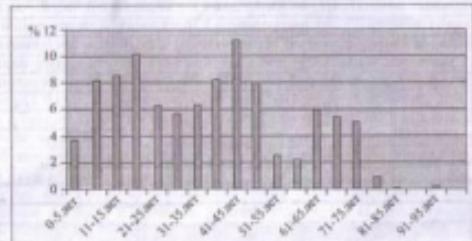
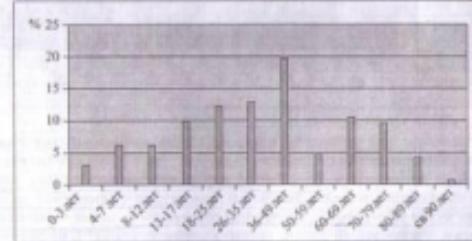

График 12

Распределение женщин по возрастным категориям по аулам центральной и южной части Черноморской Шапсугии в 1994—2001 гг.

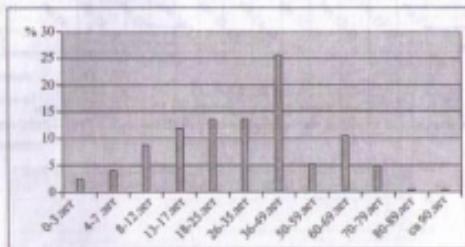

Имеющееся распределение является типично урбанизационным. Его главное отличие — в понижении численности людей, родившихся в годы Второй мировой войны и послевоенный период (46—60 лет). Также понижена доля и их потомства (26—35 лет). Подобная картина характерна для большинства населения России. Мужская и женская доли изменяются одинаково, до 50 лет преобладают численно мужчины, с 66 лет — женщины, что типично для современности. На долю детей и юношей (до 20 лет) приходится 29% всего населения, молодости и первой половины зрелости (21—35) — 22%, второй половины зрелости — 29%, пожилого возраста — 17%, старости — 3%. В этой системе молодые преобладают над пожилыми и стариками. В отличие от многих других народов Кавказа

демографическую модель шапсугских селений невозможно признать генетической, ищущей долгожительства (отношение количества людей старше 90 лет к количеству пожилых и стариков) чрезвычайно низок для региональных показателей, он низок даже и для данных по всей России⁷⁰. Несколько вид половозрастного распределения, построенный через пятилетние интервалы, свидетельствует об ограниченном и суженном воспроизводстве населения от начала XX в. до окончания восстановительного периода, последовавшего после Второй мировой войны, или до финала сталинской эпохи.

График 13

Распределение мужчин во возрастных категориях по зулам центральной и южной части Черноморской Шапсугии в 1994—2001 гг.

Половозрастная пирамида, построенная по возрастным группам, не только подтверждает сделанные выводы, но дает возможность еще для нескольких наблюдений. Собственно пирамидой назвать ее уже трудно. Схема отличается узким основанием и демонстрирует снижение доли населения зулов центральной Шапсугии, состоящей из детей, юношества и молодежи, заключающей ранние браки. Учитывая, что дети, не достигшие совершеннолетия (13—18 лет), живут при родителях, снижение их числа можно считать результатом снижения рождаемости. Падение проценташло постоянно, начиная с момента вступления бывшего СССР в полосу кризиса и особо в 1990-е гг. Уменьшение числа детей было настолько резким, что можно говорить о глубоком демографическом упадке. Для малочисленного этноса ситуация была близка к катастрофической. Отчасти уменьшение числа детей, наверное, связано с сокращением доли молодежи, создающей семью, по сравнению с их родителями. Мы можем констатировать, что среди молодежи и раннепервых инцидентумов (18—

35 лет) возросла доля людей, не планировавших связывать будущее с аулами, и часть этой доли уже реализовала данную установку. Графики показывают доминирование среди «аульчан» возрастной группы, относящейся ко второй фазе зрелости (56—50 лет), людей, родившихся в 1950-х и первой половине 1960-х гг., и социально и психологически сформировавшихся в 1960—1970 гг.

В перспективе численность этой группы не будет воспроизведена, так как явственно наметившаяся тенденция переселения из аулов в города побережья будет сохраняться. Одновременно будет возрастать рекреационные функции аулов, но не только в прямом смысле, но и как аналог сохранения национальной культуры в противовес территории побережья, куда будет направлена основная социальная активность. Можно предполагать развитие социальной активности в нескольких направлениях: производство как средство жизнеобеспечения, пространственное освоение (обогащение жизни и развитие фактора присутствия), политическая активность. Ситуация в Черноморской Шапсугии имеет абсолютное сходство с той, которая сложилась в обмене человеческими ресурсами между Россией и всеми республиками Северного Кавказа или, шире, между развитыми странами Европы и Америки (группа Север) и в прошлом колониально зависимыми странами (группа Юг). В национальных регионах на юге формируется при устойчивости традиционных повседневочных канонов в различной степени европеизированная, но национальная культура, а сами они все более обретают значение «тыловых баз» населения, переселяющегося на время или постоянно на «севера». Принципиальное отличие Шапсугии в этом плане заключается в том, что «север» в виде зоны Черноморского побережья находится не только рядом, но и волнист в пределах исторической территории расселения шапсугов дороссийского времени. Поэтому увеличение шапсугского присутствия на побережье, отставание от миграций афро-азиатского населения в европейские мегаполисы (или других видов отходничества), окрашено не духом временного пребывания, а настроениями восстановления среди «аульчан». Данное обстоятельство вместе с присущими культуре шапсугов природоохраняющими технологиями вполне можно отнести к благоприятным перспективам экологии Черноморского побережья Кавказа. Отметим, что сейчас как никогда экологическая проблема в регионе приобрела особую остроту, поскольку очевидными стали разрушительные итоги использования природных ресурсов Черноморья в российское время (усиление атмосферной активности, эрозия кромки побережья, систематические смыты плодородной почвы на склонах, пересыхание мелких рек, увеличение загрязнения почвы и воды, гибель квашинания и пр.).

При сохранении в аулах Шапсугии традиционных принципов воспитания объединения в индивидуальном плане их население является частью урбанизированного современного общества.

По данным поэзий местных книг, «аульчан» отличал высокий образовательный центр, массовым является среднее и среднеспециальное образование, практически только единицы имеют начальное образование, по-

⁷⁰ Козлов В. И., Комарова О. Д. География долгожительства в СССР (этнический аспект) // Факторы долгожительства. С. 30—40.

статистическому прогнозу доля лиц имеющих высшее образование, может колебаться от 6,7 до 9,8%. Для сравнения: по Российской Федерации данный показатель составляет на 1994 г. 13,3%⁷².

Образовательному центру соответствует информационная инфраструктура: наличие не только в поселках побережья, но и в крупных аулах средних школ, в Лазаревском существует филиал Адыгейского университета, издается национальная газета «Шапсугин», в программе местного телевещания предусмотрены часы шапсугской радиации. Почти в каждом доме есть телефонная связь. Известно, что телефонизация шапсугских зулом была поставлена в задачи дна еще в 1927 г.

По степени занятости в общественном производстве в аулах центральной Шапсугии наблюдается следующая картина: 8,2% составляют дети дошкольного возраста, 22,7% являются учащимися, 27,2% заняты в различных видах производственной деятельности (официально зарегистрированы), 20,9% не работают, 21% — пенсионеры. Профессия предпринимателя хотя и нашла себе место среди шапсугов, еще составляет то явление, которое находится в тени.

Примерное равенство работающих и лиц, вышедших на пенсию, демонстрирует картину, типичную для крупных городов России. Значительная доля неработающего населения вызвана тем, что в ее составе больший удельный вес образуют женщины, чтоковсенно свидетельствует о традиционной важности занятости в сфере домашнего хозяйства. Женщины преимущественно работают на присусадебных участках, продукция которых и составляет основу питания. Однако то, что пятая часть населения не имеет работы, впрямую связано с кризисом сельского хозяйства, постигшим черноморские поселки в 1990-х гг., так же как и всю Россию. Еще в конце 1980-х гг. для сбора саж и орехов, вывозимых не только на местный рынок, но и на рынок всей страны, в аулы в летнее время направляли все население, и притекали строитряды и бригады шабашников. Большие доходы приносила частная продажа орехов и продуктов пчеловодства. С началом следующего десятилетия закупки прекратились, созохозы были реформированы в малоэффективные акционерные общества. В сфере сельскохозяйственного труда появилась безработица, доходы «шапсугов» резко упали. Наметившаяся в последние годы некоторое помышение активности в этой области далеко не сулит прежнего изобилия. В лучшем положении находятся пчеловодство, традиционно стоящее на особо высоком уровне развития у алтейских народов⁷³. Структура продукции претерпела изменения, увеличился спрос на прополе, маточное молоко, пчелиный яд, но и мед с шапсугской макой, особо собранный во время цветения канташов, является продуктом, находящимся вне конкуренции. Как в силу традиции, так и из-за специфики промысла, профессия пчеловода усваивается индивидуально и всегда является уделом избранных.

⁷² Россия в цифрах. М., 1994. С. 74—75.

⁷³ Протокол III съезда Советов Шапсугского района. Туапсе, 3—6 марта 1927 г.

⁷⁴ Аунис П. У. Очерк истории промысловства в Адыгее // Сборник материалов по этнографии Адыгей. Майкоп, 1975. С. 3—36.

Из общего числа занятых в сфере общественного производства примерно чуть меньше одной трети по работе связаны непосредственно с зулом и прилегающей местностью, большая часть работает на побережье. По профессиональному составу работающие образуют следующее распределение: 13,7% трудятся в сфере обслуживания, 12,1% работают в сфере образования: от воспитателя детского сада до преподавателя высшего учебного заведения, 8,9% являются медицинскими работниками. Управлеческий аппарат (директора учреждений и т. п.) вместе с работниками административных органов и органов правопорядка составляет около 8%; 2,6% относятся к военнослужащим; несколько человек работают в охранных фирмах; служащие и ИТР составляют долю в 6,3%. Таким образом, не менее половины работающих заняты в сферах непроизводственного труда, но требующих высокого современного профессионального образования. Рабочие квалифицированного труда составляют 7,5%, и 13,2% разнорабочие. Непосредственно в сельскохозяйственном производстве занято 10,5% работающих. Вне принятых схем, вследствие особо высокой доли данной профессии, оказалось целесообразно выделить водителей автотранспорта, к которым принадлежит 17,5% работающих. В целом профессиональная структура аналогична той, которая отличает население поселка, вошедшего в черту большого города и живущего его жизнью. По образу занятости население Черноморской Шапсугии можно назвать национальным элементом агломерата небольших населенных пунктов высоко урбанизированной — непромышленной зоны.

Ориентация на городские профессии соответственно снижение удельного веса занятых, характерных для сельской местности, значительно усилилась за последние 10—15 лет. Так, в 1988 г. в а. Калеев (ЦКрасноалександровское) структура занятости населения выглядела несколько иначе. Пенсионеры составляли около 14%. Люди же, занятые трудом в ауле и на сельскохозяйственных угодьях вокруг него, составляли 46%. За прошедшие годы значительно и опасно снизилась сфера применения рабочих рук в селениях Шапсугин, а население постарело абсолютно (за счет численного увеличения доли старших) и относительно (за счет уменьшения объема работающего населения в аулах).

Похозяйственные списки указывают на большую роль присусадебного хозяйства. Присусадебные участки служат для выращивания овощей, картофеля, различных привозуемых растений, по традиции ведущее значение придается выращиванию сменяющей прого кукурузы и фасоли, что составляло и составляет специфику шапсугского земледелия⁷⁵. Большинство жителей держат домашних животных и птиц, хотя молочные продукты широки покупают в магазине. Наблюдается абсолютное соответствие наличия домашних животных в семье и принадлежности ей основного дома на усадьбе. Записанной нормой являются 1—2 коровы или корова и

⁷⁵ Архив РЭМ. Отчет об экспедиции В. Дыштырева в Черноморскую Шапсугию в 1988 г.

⁷⁶ Калеев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981. С. 96, 100.

тепка, а также 1—3 козы. Отметим, что коровы преобладают, что означает отход от принципов традиционного скотоводства гор Западного Кавказа⁷⁷. Примечательно, что информаторы, сообщая о характерных особенностях шапсугского скотоводства, упор делают на способах разведения и выпаса коз, забывая о разведении коров и противореча записям в книгах, утверждают о преобладании в селениях коз. Стадо в летнее время находится на призывных пастбищах. Давно уже не используются методы трансоманса, хотя как угодья места у высокогорных перевалов продолжают высоко цениться. Выпас ведется по очертаниям предстолбами разных семей; по наблюдениям и опросам сложилось такое впечатление, что соблюдение очередности выпаса вполне определяет весь ритм производственной и повседневной жизни. Часто люди, работающие на побережье, стараются свой рабочий график приспособить к циклу выпаса. Второй важной и трудоемкой задачей является заготовка сена для скота, она также входит в нормы хозяйственного поведения. Если отбросить фактор случайности, то скот насыт мужчин разных возрастов, но люди зрелых и старших возрастов явно чаще и более охотно. Сенокос является занятием больше для молодых мужчин, юношей, подростков, хотя в разгар сенокося на него выходят все способные к физическому труду мужчины. Сохраняется коллективная форма организации сенокося с привлечением родственников.

Разводят птицу — кур, гусей, уток, мускусных уток. Самое примечательное, что в хозяйстве редко кто имеет точное количество домашней птицы, а в похозяйственных книгах обычно указываются сведения о ее числе, кратные пяти или десяти, несколько раз встречалось также абстрактное число семь. Интересно, что до сих пор распространено поверие, что считать птицу — все равно что считать траву, что птица от счета ляжется вдвойне. Довольно часто хозяева утверждают, что они не любят считать домашнюю птицу. В подобном подходе явно прослеживается наследие архагических представлений об опасности подсчета скота или о необходимости считать скот какими-то группами вместо почитучего учета⁷⁸.

Опросы показывают высокую оценку труда землемерии и скотоводства, большое уважение к народным производственным традициям. Умение что-либо сделать своими руками включается в число важных этнических ценностей.

Социальные и трудовые характеристики жителей шапсугских сел, составляющих ядро народа, позволяют дать представление о личности, соответствующей синхронному (современному) срезу бытования культуры и этноса.

Молодью личностью «адульчанина» является человек, получивший среднее и потенциально высшее образование и, соответственно, владеющий русским языком, по роли занятый работающим в непроизводственной

и нетрадиционной сфере труда, чаще за пределами аула; вместе с тем он ведет хозяйство на присадебном участке, исполнения в домашней трудовой деятельности роль носителя традиций этнического производства. Его основными социальными связями являются связи, выстроенные по иерархии: двух-, трех поколения семья — (патронимическая группа) — фамилия — этнос. У модальной личности имеются два подтипа:

1) доминантный, представленный людьми «второй зрелости» (36—50 лет) и заявленными владельцами основного жилого помещения на усадьбе, данный тип будет внеследствие воспроизведен их младшими сыновьями и членами их семей;

2) радикальный, представленный семьями, выделившими в свою пользу часть присадебного участка без заявки на владение основным домом; в большинстве своем это молодые люди более, чем доминантный тип, связанные с побережьем; «горожане» формируются из данного подтипа.

Смена внимания от синхронного среза рассмотрение отношений общества и личности к диахронному означает перенесение интереса на смену личности и традиции. Для подобного перехода может быть полезно обращение к существующим в среде этноса представлениям, какими должны выглядеть шапсуги в глазах внешнего наблюдателя, в основах члена российского «общества». Источники информации существуют в открытым местной печати. Одним из них является перечень выдающихся личностей Шапсугии, приведенный в книге «Золотые россыпи Шапсугии», вышедшей в Майкопе в 2001 г. Книга состоит из вступления, посвященного прошлому Шапсугии, биографий особо выдающихся личностей. Характеристики отдельного населения пункта, включающей также список односельчан, добившихся признания за пределами места рождения. Одним из критериев последнего выступает получение высшего образования и определенная далее этим фактом производственная деятельность в образовании, культуре, науке. Таким образом, образование выступает одной из значимых этнических ценностей, обеспечивающих конкурентоспособность выходцев из Шапсугии в «большом обществе».

Во вступлении выделяется группа, прославившаяся в антиколониальном движении XIX в. В числе участников наступления на русские укрепления в 1840 г. называны Кизильбек, Тутулюк Шеретлук⁷⁹, Сефер-бей Занков⁸⁰, Мансур Хаджо Шупако, Шамук Керуко Шупако, Ширухоко Туту, Хаджи Керендук Берзек, Исманн Баракат Джема⁸¹ люди, относящиеся к социальной верхушке всей Черноморской Черкесии, а не только Шапсугии.

Основной свой персоналии отмечен двумя тенденциями: а) отметить особь выдающихся носителей народных традиций, б) отметить достижения шапсугов в «базовом» обществе. Несомненно, в смыслах плавных шапсугов есть чем гордиться. Частным случаем персонажей, отражающих вторую тенденцию, являются сведения о национальном руководстве периода ШНР, которые нами упоминались выше.

⁷⁷ Калоев Б. А. Скотоводство народов Северного Кавказа. М., 1993. С. 49—54.

⁷⁸ Дзагор Г. А. Осетинской пастушеский счет // Известия Северо-Осетинского

НИИ краеведения. Орджоникидзе, 1925. Вып. I. С. 127—150.

⁷⁹ Золотые россыпи Шапсугии. С. 11.

Каждая из персонажей чрезвычайно показательна. Приведем несколько примеров, ограничившись цитированием узловых моментов.

Борис Нансо. Знаток народной медицины и садоводства. Известен тем, что сохранил особый сорт яблок, а также тем, что методами костоправства лечил командира корабля Черноморской эскадры.

Боус Каюмбек. Первый в Шапсугии учитель русского языка и литературы.

Боус Адам. Ушел добровольцем в Красную армию, был комендантом крейсера «Красный Октябрь», танцевал с большим успехом лезгинку в оперном театре Неаполя, во время Второй мировой войны воевал в Заполярье, позднее организовал первую в Лазаревском районе автошколу.

Нансо Фильз. В течение 11 лет был директором Адыгейского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ныне Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований).

Гифар Далин. Писатель, собиратель народных легенд. В 1943—1945 гг. на фронте. Преподаватель русского языка, литературы и истории. Член президиума Адигейского хасэ черноморских шапсугов, один из зачинателей шапсугского национального движения 1990-х гг.

Сизо Салих. Директор созюза Лазаревское, позднее председатель акционерного общества «Шапсугский чай».

Хуноз Аслан. Генеральный директор Горловского производственного объединения.

Чечуев Дамир (Шапсуг). Доктор юридических наук. Руководитель НИИ управления, экономики и права Северо-Кавказского краевого центра.

Дауррова (Ачмазова) Шарипет. Начальник канцелярии президента Республики Адыгея⁶¹.

Подобных примеров в тексте много. Все они позволяют говорить о наличии двух критерий значимости личности: активной роли в сохранении национальных традиций и преуспевании в «большом обществе» на основе использования большого гуманистического потенциала.

В этнической традиции выделяется область устойчивого этнического сознания, состоящая из зоны самосознания (представлений, имеющих значение внутренних регуляторов поведения) и зоны установок межэтнического взаимодействия, и область обективированных явлений культуры, формирующая среду обитания. Представляется, что зона межкультурного взаимодействия в сознании шапсугов имеет большой удельный вес. В целом вся область этнического сознания объединена аутостереотипами, часть из которых создана для представления сторонним наблюдателям. Гетеростереотипы мы не касаемся в контексте раскрытия настоящей темы.

Репрезентируемые стереотипы составляют часть национальной идеологии, их существование характерно для верхних уровней сознания, в том числе политического сознания. Большой объем репрезентируемых для внешнего наблюдателя аутостереотипов культуры в срезе формирующей

съ подлиннической культуры общества дает газета «Шапсугия», основанная в 1991 г. на грани надежд на возможное самоопределение этноса в инеле восстановленного ШИР. Шапсугский национальный район восстановлен не был, но данное обстоятельство только способствовало усилению роли газеты в укреплении духовного единства этноса.

Весь набор репрезентируемых аутостереотипов был предложен в первых номерах газеты. Их нам уже удалось охарактеризовать, поэтому ограничимся кратким упоминанием⁶². В первую группу входят такие характеристики этноса, которые говорят о том, что шапсуги являются древним и коренным народом Черноморья, в прошлом многочисленным. Первые два признака относятся к достаточно типичным приемам этнической идентификации и межэтнической дифференциации⁶³. Они являются признаками автохтонности, отстаиваемыми любым этносом. Последняя характеристика может быть признана переходной к другой группе, в которой объединяются признаки исторической несправедливости, проявленной в шапсугам. В нее входит такие представления, как воспоминания о Кавказской войне, приведшей к геноциду шапсугов, противоречимо — если не изменяется настоящий геополитический фон — исчезновение шапсугов, слабое внимание общества к проблемам шапсугов, игнорирование властями юридических требований шапсугов, отсутствие в официальной науке правильного понимания сути шапсугской проблемы вплоть до фальсификации истории Черноморья. Третья группа включает лозунги, если можно так сказать, абстрактной справедливости: необходимость возрождения (в одном из вариантов реинкарниации) шапсугского народа и сохранения самобытности шапсугов, опасность нерешения проблем шапсугов, что может склонять на стабильность мировых отношений. Четвертая группа состоит из предложений, как реально восстановить справедливость в отношении этноса, все они сводятся к требованию восстановления Шапсугского национального района. Пятая группа состоит из аутостереотипов, являющихся суждениями о собственном национальном характере: шапсуги незлобивы, искренни, дружелюбны, душисты, мягки, открыты. Все они представляют собой типичные самохарактеристики народов Северного Кавказа⁶⁴.

Группы представлений со второй по четвертую можно отнести к аспектам политического сознания шапсугов, о котором следует сказать, что в сложившихся условиях оно имеет грядущие перспективы реализации поставленных целей. Главной его установкой является воссоздание Шапсугского национального района, что, по-видимому, не поддерживается ни

⁶¹ Шапсугия: газ. 1997. № 2—14, 20—28, 40—42. Дмитриев В. А. Национальное самоизложение по материалам газеты «Шапсугия» // Средиземноморско-кавказские чтения. 1997. СПб., 1999. Од. лек. Насыщенные действия и их проявление в традиционном и современном сознании адыгов // Антропология насилия / Отв. ред. В. В. Базаров и В. А. Тихонов. СПб., 2001. С. 332—381.

⁶² Ганжел Э. Х. О роли этнической психологии в межэтнических конфликтах // Этнокультурные процессы и современность. Л., 1991. С. 103.

⁶³ Константин Г. У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 261—263.

краевой, ни центральной администрацией. Среди большинства населения Краснодарского края отношение к воссозданию ШНР вспомо отвратительное⁸⁴. Уже более десятилетие вопрос о ШНР не решается никаким образом, и вполне очевидно, что власти намерены бесконечно уходить от его решения. На подобную тактику властей шапсугское общество ответило двойной стратегией: относительно краткой метинговской активностью 1991—1992 гг. и линии, направленной на уход от открытых форм политической деятельности в сторону национально-культурной самоорганизации. Каждая из линий была представлена двумя видами институтов национального единения — исполнкомом Конгресса шапсугского народа, поддерживаемого Конфедерацией горских народов Кавказа, и Адыг-Хасе черноморских шапсугов. Линия Хасы, органа, воспроизведения в современных условиях языка принципиального самоуправления шапсугов разных периодов истории, победила. По одному из документов, подготовленных президентом Хасы, массовое движение разворачивалось от предъявления требований властям к самоорганизации. Согласно установкам «Программы национально-культурного и социально-экономического возрождения шапсугской этнической общности» (само название является весьма показательным проявлением характера национальной психологии), общество должно было сосредоточиться на восстановлении традиционной топонимики, всестороннем изучении своего языка, развитии национальной культуры (применение средств массовой информации, проведение гастролей национальных ансамблей), сознание традиционных форм уклада с новыми формами хозяйствования, что требовало увеличения полномочий местной администрации и фактически предполагало ее сотрудничество с отделениями Хасы и советами старейшин аулов⁸⁵. Такая линия явственно была направлена на параллелизм действий официальных властей и самоуправления этнической общности, которое ориентировалось преимущественно на достижение духовного единства этноса. Выход из того политического тупика, который создавался уходом властей от ответа на вопрос о возрождении ШНР, национальное сознание наметило в смешении общественной активности во внутренней сфере национальной культуры. На наш взгляд, подобная тактика разрешения конфликта на пути его интегрирования соответствует закрытости части этнических стереотипов от постороннего внимания. Названные выше качества «мягкость», «доброжелательность», «гостеприимство» соответствуют поверхностному слою сознания, т.е. его специфической области, которая содержит установки на межкультурное и межэтническое взаимодействие и демонстрирует в силу этого привлекательные стороны этнической культуры. Вследствие этого в межэтническом общении легко демонстрируются аспекты эмпатии и толерантности, что реально присуща не только шапсугам, но и всей северокавказской культуре, но (что исключительно важно) эти настроения су-

⁸⁴ Красный Е. Этнокультурическая ситуация в Краснодарском крае // Философия и социология в Республике Адыгея. Майкоп, 1994. С. 34—36.

⁸⁵ Смир А. Шапсуги... С. 55—56.

губо личностно ориентированы и не формировались для межгруппового взаимодействия. Наглядим, что знаменитый кодекс гостеприимства требовал от гостя сверхкрайности, что легко может быть понят как временное самоотречение, вытекающее из генезиса гостеприимства из обычества яловши.

Между тем этническому самосознанию шапсугов свойственна закрытость в той сфере, которая характеризует основные правила внутреннического поведения. Это признают и сами носители этнических установок, по крайней мере те, кто считает для себя возможным касаться данной темы в разговорах. Данные настроения дают себя почувствовать в довольно распространенной тактике перевода разговора от обсуждения, например, семейно-родственной структуры народа к размышлению на общефизиологические темы. Нельзя не отметить, что интерес к обсуждению проблем мироздания порожден не только правилами благожелательности адыгского этикета в общении с посторонними лицами, что относится к одним из корневых его признаков. Существуют причины и другого рода. Первая из них имеет генетическую природу, укладывающую корни в традиции мужских бесед в моменты досуга, а также в традиционные установки мужского речевого поведения, в котором искусство оратора, умеющего выстроить речь от общего к конкретному, ценится очень высоко⁸⁶. Вторая состоит в том, что принадлежность Шапсугии к курортной зоне и региону различного туризма сделала нормой повседневной жизни общение с претендентами, туристами и отдыхающими. Нет нужды говорить о том, что данная категория людей заинтересована в экзотике как элементе различения, ноывает оскорбительной равнодушна к настоящим проявлениям национальной культуры. Благожелательность к человеку, как и потребность защиты корневых этнических ценностей от зачистки бесшеремонных прислужников, стимулировали развитие специфической зоны этикета, где общение происходит в области метагуманистических представлений и этически нейтральных рассуждений.

Последние несколько лет продемонстрировали, что зона установок сознания на межэтническое взаимодействие продолжает стимулироваться притоком отдающих и реалистуется в удивительных феноменах урбанизированных форм представления этнических ценностей внешнему миру. Речь идет о возникновении в Шапсугии частных музеев, созданных отдельными личностями. Одни из них организованы в а. Тэдаганы на базе семейной усадьбы, принадлежащей фамилии Чачук. В ней несколько частей, собственно усадьба, состоящая из жилого, гостевого и хозяйственных помещений, выставка археологических находок, кухня-ресторан с национальными блюдами и домик абхазского образца. Последнее обстоятельство соответствует существующему в шапсугской среде представлению не только о территориальном, но и духовной близости шапсугов с абхазами.

Второй музей создается в Лазаревском профессиональным каменотесом из фамилии Нейбо, выходцем из а. Калеж. В нем преобладают искус-

⁸⁶ Болдырева Б. Х. Адыгская этика. Нальчик, 1989.

⁸⁷ Налев З. М. Из истории культуры адыгов. Нальчик, 1978.

ственных объектах, большинство из которых являются моделями известных памятников мировой культуры — древнеегипетской, мезоамериканской, полинезийской и пр. В образовании таким образом экспозиционный ряд включаются как модель долмена — мегалитической гробницы, относящийся к бронзовому веку Черноморья, так и шапсугский дом. Налицо отражение в материальных объектах идей древности и аборигенности шапсугской культуры, а также равноценности шапсугской национальной культуры развитым мировым цивилизациям.

Граница между зонами местнического общения и этнического самосознания при относительной закрытости последней может быть проходна, когда между наблюдателем и носителем культуры достигается соглашение о безусловной положительной ценности структурообразующих установок сознания и культуры. Тогда презентируются и собственные аутостереотипы культуры. Национальное самосознание шапсугов высоко развито в области определения традиционных установок, адекватных погожению этноса в современном мире и необходимых для его дальнейшего существования. По данному направлению было проведено отдельное исследование.⁶⁵

Опрошенные разделились на две группы. Большинство выразило твердую уверенность в необходимости сохранения традиционных устоев этноса. Среди молодежи, преимущественно женской, и части лиц старшего поколения, привадлежащих в прошлом к слово советско-партийных работников, при общем принятии незыблемости национальных обычаях часть установок оценили как необходимые. К их числу они отнесли необходимость сохранения национальных элементов в жизни и одежде, национальный костюм оценили как архангельские явления или как предмет экипировки танцевальных ансамблей. В данной категории опрошенных принято мнение, что национальные традиции разъединены современным, что, в частности, налицо отражение в признании равноценности городского и национального вариантов свадебного обряда. В то же время в этой группе существует мнение об эстетическом преимуществе традиционной обрядности над современной.

Безусловно, положительную оценку имеют все аспекты традиционного природопользования. Все разделяют положение о том, что присмы традиционных шапсугских агрокультуры и скотоводства и особо пчеловодства достойны распространения среди всего многонационального населения Черноморья как адекватные характеру местной природы. Линии являются памятью о сортах выведенных в прошлом злаков и плодов, сохраняется знание о расположении на местности нацелов и делнов, привадлежащих отдельным фамилиям в прошлом. Люди старшего поколения помнят и скотопрогонные маршруты.

⁶⁵ Баранов Д. А., Дмитриев В. А., Панова Л. Ф., Сплющенко И. В., Чаславко Ж. К. Предварительные итоги работы по опроснику «самосознанию этносом перспективности форм традиционной культуры» // Исследование национального самосознания в этнографическом музее. СПб., 1998. С. 18–23, 27–32.

Для большинства опрошенных (85%) желательным является наличие домашнего хозяйства, характерного для сельской местности, причем в этом желании сходятся и «аульчане», и «городяне». На усадьбе должны быть и скот, и птицы. Ответы если не всегда показывают практическую жизненную установку, то во крайней мере свидетельствуют о психологической ценности сельской усадьбы.

Также высоко оценивается способность человека что-либо изготовить своими руками, хотя 28% считают, что в настоящее время ремесленнические навыки утрачены полностью и безвозвратно. О себе до 60% мужчин подают, что они в состоянии сделать простую деревянную мебель, примерно таковая и для женщин, готовых шить не сложную современную одежду. Абсолютно доминирует мнение, что народной утварью является лябда, которую делают своими руками и для домашнего употребления. Объединение понятий по принципу «народный — самодельный», а не «народный — национальный» относится к простым бытовым предметам, тем, которые делаются «для себя» и находят применение в семейной сфере.

«Своими» народными вещами признаются достаточно устойчивый набор предметов: круглый столик на трех ножках, кумтан, ступа с пестом для толчения орехов и плодов кастаньи, ручная мельница, топор-«кацда» для вырубки кустарника. В данном случае общие представления совпадают с реальными фактами, именно такой набор предметов является покусом традиционной материальной культуры среди современных вещей, наполняющих шапсугский сельский дом. Трактовка значения предметов опрошенными адекватна их семиотической классификации. Столик относится к типичным предметам народной культуры и домашнего быта многих народов Кавказа. Кумтан необходим для подготовки к совершению моления мусульман, а также является очень нужным домашним предметом, остальные вещи — для обработки продуктов питания, которые дает родная земля, а без топора-«кацды» весьма сложно пробираться по лесам Черноморья. Реально только «кацда» может быть отнесена к функционирующим предметам народного быта, хотя слышать об изготовлении этого важного орудия не приходилось. Остальные предметы хранятся в домах на положении «живой старины». Все они давно признаны ценным семейным достоянием; несмотря на то, что лябда ступа изъедена яжчуком и уже пришла в ветхость, а в доме находится где-нибудь в дальнем углу клаудовой, ее не выбросят и не отшатнут чужому человеку. Все перечисленные предметы не передают даже в музей в Лазаревском, прекрасно понимая значение музея для отражения шапсугской культуры. Скорее всего, в быту черноморских шапсугов сложилась ситуация, когда уровень этнофеноменологии опустился до предельно возможного минимального значения, и любой единичный предмет с признаками собственной культуры возводится в ранг этнического символа. Но не трудно заметить, что символом она становится только тогда, когда на нее обращают внимание другие люди, вне внимания со стороны ступа остается вышедшим из употребления бытовым предметом.

Символичность столика и кумгана выше, чем ступни, о чем можно судить по встречающимся изображениям их на стенах домов, что отвечает традициям ряда народов Кавказа, применявших архитектурные украшения на наружных стенах. Исследователи, занимавшиеся данным вопросом, отмечают как самобытные корни такого вида прикладного искусства, так и новую их эмоционально-художественную природу, проявившуюся во второй половине XX в.⁹⁵

Наряду с предметами-символами, только сохраняющимися и не воспроизводимыми, существует и постоянно изготовленный предмет домашней утвари самого скромного вида, но также не обделенный символическим значением. Имеется в виду деревянная лопаточка для помещания пасты при ее приготовлении. Значение лопаточки складывается из функции (приготовление национальной пищи, играющей первостепенную роль в пищевом разделе), привычности, двух уровней символизма, функционального и национально-исторического. Функциональный символизм исходным моментом имеет использование веселки для приготовления еды на всю семью и раздела при ее помощи пасты по числу единок. У адыгов была известна и используется сейчас меса — «благынъсы», норма пасты, снятая с одной лопатки.⁹⁶ Таким образом, через функциональный символизм вещи выявляются такие ценности, как семейное единство, роль в семейном коллективе женщины-хозяйки, распределяющей еду и главенствующей в нем. Национальный символизм постигается через материал вещи. Любой шапсуг, держа в руках веселку, расскажет о роли каштана в выживании шапсугов в трудные годы, как плоды каштана, собранные в лесу, помогали избежать голодной смерти, и древесина служила материалом для строительства жилища и для производства самых необходимых в доме предметов. Не случайно, отставная наведение в школе уроком своего языка, шапсуги добивались и уроков труда, первое, что делали мальчики на таких уроках, было изготовление лопаточки для пасты.

Национальная одежда уже не считается бытующим явлением, она не причисляется к числу самодельных народных предметов не только потому, что давно не носится в шапсугских семьях, а скорее потому, что одежда перешла из категории бытовых вещей в категорию национальных символов. Все опрошенные считают, что национальный костюм из быта ушел давно, еще во времена ныне живущих. Он нежелателен для людей среднего и даже старшего возраста и в полном комплексе неудобен для повседневной жизни. Все соглашны, что национальная одежда более красивая, чем современная, что она важный и наглядный признак в данном случае адыгской культуры, но носить ее никто не собирается. Более того, господствует мнение (67% опрошенных), что современный костюм невозможно превратить в национальный, для такой операции в женской

⁹⁵ Кобячев В. П. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. М., 1982. С. 149–153.

⁹⁶ Камзалаев Л. А., Кершиева З. Н. Толковый словарь адыгейского языка. Майкоп, 1960. С. 271.

одежде вообще нет условий, а в мужской включenie в костюм имеющихся в семьях половы или головных уборов будет выглядеть нарочитым. Можно отметить, что мужские пояса с серебряными украшениями в домах хранятся как памятные вещи, а папаха, равно как и бурка, если они есть в доме, скорее оказываются предметами украшения интерьера, находясь в доме на видном месте. Подобная позиция особо престижных мужских вещей заметна и в жилище других народов Северного Кавказа.

Относительно национальной одежды особо важно отметить, что о ней сложилось мнение, помеченное ее в категорию предметов общественного быта, а не достояния индивидуума, поскольку высказывались два вида применения адыгского народного костюма: для девушек во время свадьбы и (что более часто) в качестве эквилибристов участников танцевально-фольклорных ансамблей. Так, национальный костюм в урбанистическом сознании современных шапсугов достиг, очевидно, последней стадии утилитарного назначения, возможной для предмета традиционного происхождения, ему отводится роль национального знака, высокого на счету массового собрания соотечественников с демонстрацией права демонстрации знака особой группе. Адыгский костюм, по нашим наблюдениям, выходит и из предметов свадебной атрибутики, заменившись европейским белым платьем с фата, при том что женщины давно облачиваются в темные костюмы. Колорит свадьбы придают музыка, собственно ритуал и орховой жезл в руках распорядителя всего торжества. Орховой жезл и присутствие костюма, снятого по традиционным мотивам, на участниках фольклорных ансамблей можно рассматривать как приметы времени, состоящие в смешении ярких этнических признаков к профессиональному.

Если национальная одежда в современной шапсугской культуре эволюционировала в сторону символически-коммуникативных экспрессивных функций, то жилище, формируя среду обитания семьи, остается со средоточием быта, а селения составляют здро родного ландшафта. Шапсуги высоко оценивают и сами селения, и места, где они расположены. Выделяются положительные признаки селений, такие как красота расположения и спокойствие, т. е. на первом месте помещаются эстетические и рекреационные свойства зданий. На вопрос о рациональности места нахождения селения обычно следует положительная характеристика, но вскоре вспоминают, что для современных зданий характерна вторичность по отношению к поселениям дороссийского времени. Отмечается ухудшение качества селитбы в результате смещения от водоразделов и верховых горных ручьев, где раньше старались поставить дома, к гуслям рек, где стоят современные здания.

Существует, что высказывается удовлетворение качеством селений и домов, но усадьбы люди чаще всего не вполне довольны. Связано это с тем, что идеальным считается привлекательное прошлое, когда усадьбы находились не в стиле непосредственной близости от домов и, будучи разбросанными по окрестным горам, занимали большую площадь. Земли вне селения анализируются по принадлежности на момент их использования, следовательно, не относительно современной малой семьи или даже

их объединений, а относительною фамилий. Для этого пользуются оставшимися от прошлого маркерами, такими как сохранившиеся фамильные могильники, состоящие из невысоких каменных курганчиков. По характеру погребального ритуала они датируются временем не позднее конца XVIII в.

Сохранились отдельные фамильные святынища. В таком качестве их значение даже усилилось в последнее время. Так, если в 1980-е гг. святыни «Каменные могилы» в урочище Дварекъя над а. Тахапши считались не только принадлежащими фамилии Бус, но и общепринятым, то позднее часть дульчал перестала ходить к нему. В 1990 г. возобновились моления у священных деревьев, которые есть в каждом аул.

Фамильное пространство маркируется в наше время также и местонахождением пасеки, где часть времени проводят молодые мужчины. Пасеки, находящиеся на периферии фамильных в прошлом земель, вполне можно считать авангардом семейного пространства настоящего.

При опросе в числе прочих задавался вопрос о сравнении по качеству современного и старого (родительского) жилища. Ответ на него зависел от социального и имущественного положения предков опрашиваемых, но 92% опрошенных считают, что современное жилище более комфортно по сравнению с традиционным, а 76% считают, что старое жилище было более полезным для здоровья, чем современное. Главным различием домов разных эпох называлось отсутствие в старом доме атмосферы в интерьере.

Около 60% опрошенных считают, что сельскому жилищу можно придать национальный облик, но в 18% больше число тех, кто думает, что жилищу следует его придать. По общему мнению, национальный облик жилища создается организацией усадьбы, сохранением традиционной планировки жилища, помещением в интерьер народных предметов, правда, более действенным способом считается использование в украшении стены изнутри и снаружи элементов национального орнамента.

Как всякий населенный пункт, шапсугские аулы представляют собой объединение разновременно построенных домов. Помозгайственные юрты содержат сведения о времени строительства главного дома усадьбы. По времени возведения дома четырех аулов центральной Шапсугии распределяются следующим образом: 42% построек относится к отрезку 1955–1970 гг., около 15% домов было построено в первое послевоенное десятилетие, 23% домов возведено в 1975–1990-х гг. Строительство продолжалось и позднее, и за годы перестройки и общественной нестабильности было построено от 5 до 8% домов. Сохраняется около 10% домов, которые были построены в 1920–1930-е гг. Постройки начала XX в. — единичны. Распределение числа домов по времени их строительства свидетельствует о стабильности и динамичности положения в обеспечении жильем «гульчан». Около половины домов построены хозяева, которых можно отнести к категории «отцов», людей, вошедших в ранг глав семей после окончания сталинской эры, и около четверти главных жилых строений обновлены их покровителями «сыновьями». В основном облик современных шапсугских сел сложился в эпоху, которую некогда было

принято называть периодом развитого социализма. Поскольку на усадьбе сохраняется один или два дома помимо главного, то большинство усадеб состоит либо из двух домов 1950–1970 гг. постройки, либо из одного дома данного времени постройки и дома, построенного в 1980–1990-е гг. Если на усадьбе есть дом постройки первой половины XX в., то он отличается своей добродушной постройкой.

Особенности конструкции и планировки позволяют выделить три типа домов, соответствующие трем хронологическим этапам жизни шапсугского аула: 1) первая половина XX в., 2) преимущественно 1920–1930-е гг., 3) третья четверть — конец XX в. с добавлением переходного (от 2 к 3) этапа. Если считать традиционным жилищем дом, имеющий крытую террасу (в другой терминологии — открытая галерея) входь одной или двух, или трех стоя дома, то такой тип был характерен для конца XIX—начала XX в. В Шапсугии он сохранился в единичных случаях, в центральной и северной Шапсугии такие дома полностью исчезли уже около четверти века назад. Отдельные экземпляры недавно можно было встретить в а. Б. Кичмай. Самый примечательный из них, в 1988 г. принадлежавший У. Х. Гашеву и стоявший по адресу: ул. Ахмизова, 38, к настоящему времени уже не существует. Его особенностью была терраса с трех сторон дома. В Шапсугии дома с террасами называют «круглыми»⁴¹.

Традиционные постройки с террасами доминировали в равнинной зоне Северного Кавказа с нореформенным периодом⁴². У равнинных адыгов от Кабардии до Кубани они в начале XX в. преобладали абсолютно. В Шапсугии, насколько можно судить, такие дома бытовали в двух видах: более архаичные с однорядной планировкой и менее архаичные с двухрядной. При однорядной планировке под одной крышей объединялись два помещения, двухкамерное жилое (крайнее — комната родительской супружеской пары и среднее — комната для сына) и однокамерное гостевые⁴³. В двухрядном доме присутствует планировка дома-крестовника, состоящая в данном случае из угловой комнаты — входного помещения, прообраза веранды, находящейся за нею во втором ряду гостевой комнаты, связанной с ней комнаты родителей в первом ряду, и дальней (одетской), проход в которую идет через родительское помещение⁴⁴.

Примеры домов 1920-х гг. и, очевидно, всего времена «шапсугского ренессанса» постпервоначального периода легче обнаружить в а. Божьи Воды, где сохранилось несколько качественно выполненных домов относительно больших размеров, принадлежавших в 1920-х гг. зажиточным хозяевам, один из них позднее был национализирован, использовался некоторое время как общественное здание. Их тип планировки имеет двухрядную организацию и возможность прохода по осевой линии через дом с

⁴¹ В этнографической литературе обозначение «круглый» присваивается к планировке дома-крестовника.

⁴² Кобыльев В. П. Поселения и жилище. С. 103.

⁴³ Аул Б. Кичмай, ул. Ахмизова, 40. Дом Г. Н. Гашева. ПМА, 1988 г.

⁴⁴ Аул Б. Кичмай, ул. Ахмизова, 38. Дом У. Х. Гашева. ПМА, 1988 г.

Дом начала XX века. Аул Лыготх.

улицы во двор. В таких домах имеются по входному помещению (веранде) во всю ширину дома спереди и сзади и два входа. Внутренние помещения расположены в переднюю и заднюю линии, в ряду находится аза или три помещения, но так, чтобы в рядах не было одинакового числа комнат. Третье помещение может быть и сбоку во всю длину дома, а может быть проходным, находясь в середине одного из рядов. Комнаты располагаются внутри дома (за верандой) следующим образом. Помещения в ряду, близким к улице, отводятся для приема гостей, для размещения старших сыновей; одну из комнат могут назвать залом, что равносильно называнию ее гостевым помещением. В ряду комнат, ближнем ко двору усадьбы, находятся комната родителей и детская. В этом же ряду может находиться пустующее входное помещение³⁵.

То, что дом можно пройти насквозь по осевой линии, сближает его планировку с домами, имеющими срединный коридор. В Шапсугии домов со средним коридором на настоящее время нет, за исключением одного случая.

В а. Лыготх находится дом, ныне преобразованный в отделение Лазаревского филиала музея города-курорта Сочи под названием «Усадьба черноморского альпий-шапсугата». По деталям конструкции дом несколько раз перестраивался. Первоначально он был домом двухрядной планировки с крытой террасой по двум сторонам дома, одна из которых, с входом в дом, была обращена в сторону усадьбы. В процессе горизонтирования в

³⁵ Аул Базы Воды. Дома Чачух Ваххамы, Чачух Сальмет, Тифе Махмуда. ПММ, 1988.

внешней стороны дому был придан каменный цоколь, превращенный в подвал. Под полом дома сохранились следы глинняной подушки, часть подсыпки для строения, предшествовавшего настоящему. По размерам подушки можно считать, что надней стоял дом такой же длины, но уже, без цоколя и с комнатами в один ряд. Таким образом, как первый вариант дома, так и предшествовавшее строение могут быть отнесены к домам традиционной планировки с крытой террасой. Несколько позднее галерея дома была убрана, за счет чего расширились комнаты ближнего ряда, но без перестройки перекрытия и внутренних перегородок. Планировка дома не изменилась, что позволяет рассматривать его как вариант дома переходного типа. Вход в дом велет с усадьбы, точнее существовало в доме два входа. Правый вход позволял войти в комната с очагом (хозяйское помещение, комната родителей). Левый — не выражен, так как в левой части в ближнем ряду находится помещение без стен, но зато далее во втором ряду осталась задняя часть срединного коридора, упирающегося в стену дома, обращенную к улице. Слева во втором ряду расположено изолированная комната, справа — помещение, связанное с комнатаю с очагом. Данный дом мы можем без сомнений трактовать как состоящий из правой (от усадьбы) хозяйственной части (блокное и внутреннее помещение — родительской, дальнее и внешнее — для их детей) и левой — гостевой, причем находящейся в удаленной внешней части дома³⁶. Исходя из типов планировки следует считать планировку адыгской усадьбы, на которой хозяйственный дом и гостевое помещение являлись отдельными строениями³⁷. При постепенном уходе в прошлое такой организацией усадьбы произошло объединение строений под единой крышей, но разделенных в доме центральным коридором. Разделение дома на две части в начале XX в. признается главным признаком шапсугского жилища³⁸. Конструкция дома в Лыготх дает возможность наметить путь, которым шло преобразование открытой галереи в веранду через стадию открытого углового помещения.

Дома двухрядной планировки со срединным коридором известны на Северном Кавказе. В Карачаеве и Чечне они, несколько известно, располагались в глубине усадьбы, коридор можно рассматривать в таких случаях как эквивалент террасы. Функциональная роль террасы и коридора состояла в том, что сквозь выходили двери комнат женских сыновей, живущих в большой семье, и невесты благодаря такой планировке дома могли совершать избегание свекра и деверей³⁹. Образование срединного кори-

³⁶ Экспертиза обследования предметов земного и музеефикации дома в а. Лыготх (Ш Краснопольковской) в 1997. Архив музея города-курорта Сочи.

³⁷ Михеев А. Д. Черкесские постройки // Материалы по этнографии России. СПб., 1914. Т. 2. С. 20. Казыков И. Х. Черчесы. Ист.-этногр. очерк. Черкесск, 1974. С. 124-143; Косинов М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 128.

³⁸ Подгоренский К. И. В Тунисском и Сочинском округах // Известия Кавказского отделения императорского Русского Географического общества. Тифлис, 1907. Т. XVII. № 3. С. 191.

³⁹ Устное сообщение Е. Н. Студенецкой. Чечня. Сел. Сергиев-юрт. ПМА, 1978 г.; Отчет о командировке В. Дмитриева в Чечено-Ингушскую АССР в 1978 г. Архив РЭМ.

лора вследствие совмещения хозяйственного дома и кунацкой, очевидно, следует считать адыгской, а может быть, исключительно шапсугской линией эволюции северокавказского жилища.

Наличие дома со средневековым коридором было одной из причин, по которой в Шапсугии прослеживается более раннее массовое распространение домов с планировкой крестовик с двухскатным расположением комнат.

По устным свидетельствам, этот тип стал привычным еще до Великой Отечественной войны. Во второй половине XX в. доминирует дом-крестовик наиболее распространенного на Северном Кавказе, как и во всей Южной России, вида. Такой дом имеет угловую веранду (она же кухня), из которой ведут проходы в комнаты в первом и во втором ряду, та из них, где отсутствует сквозной проход, является залом, хотя и она может быть проходным помещением. Обязательно связанные между собой комнаты принадлежат семьям разных поколений. Принцип крестовника может иметь усложнение за счет увеличения числа комнат для младшего поколения или для гостей. Гостевые помещения совмещаются с комнатой, в которой живут дети школьного возраста, когда в доме становится гость, дети переходят в другое помещение. Непременной чертой адыгского и, в частности, шапсугского дома является то, что гостевая комната всегда ближе ко входу в дом и ко входу на усадьбу. В этом принципиальное отличие планировки дома, развившегося из сокращения пространства усадьбы с разделенными жилым и гостевыми помещениями, от дома, в котором гость по традиции всегда был под постоянным присмотром хозяина. Последний принцип доминировал, например, у чеченцев. В чеченском доме, в том числе в современном, путь в гостевое помещение идет через комнату хозяина.

Наряду с типичным крестовиком существует во второй трети XX в. дом, в котором на веранде выходят несколько частично смежных комнат, расположенных в два ряда афициальными группами. При этом одна из них может иметь собственный выход с торца дома, эта комната преимущественно несет гостевую функцию. Учитывая, что на усадьбе приступает дом, являющийся основным жилищем для родительской пары, дом с группами пионерских комнат отводится для младших детей и гостей. Дома, построенные в третьей четверти XX в., отличают общая тенденция — весь период был временем постепенного увеличения высоты поколка и подъема уровня жилого помещения над землей. Данный процесс был характерен для эволюционного индивидуального строительства всех народов Северного Кавказа. Завершением процесса был переход к строительству двухэтажных домов, что тоже типично для региона.

Дома в два этажа являются признаком последнего этапа развития жизни шапсугов, относящегося к концу XX в. В 1980-х гг. строительство в аулах переживало расцвет, что было связано с ростом доходов населения. Свидетельством занятости семей было применение новых и дорогих строительных материалов. Их использование и темпы перестройки жизни, стали сокращаться в 1990-е гг., во время общего экономического упадка, но установка на возведение домов в два этажа сохранилась. Верхний этаж

дома делается по принципу крестовника, нижний отводится для хозяйственных помещений, гаража и т. д., что позволяет считать одним из мотивов возведения двухэтажных особняков соображения престижности.

Когда обращаются отечественные ученые на вопрос о различиях между современным и традиционным жилищем, под современным домом понимается двухэтажный кирпичный или построенный из шлакобетона особняк, в планировке жилой части которого присутствуют комнаты, обставленные мебелью и в обычное время пустующие. Их назначение объясняется современным принципами гостеприимства и потребностью иметь комнаты для родственников, в рабочее время находящихся на побережье или живущих в других местах.

Представление о традиционном жилище было понятным, но привязаным к какому-то конкретному образу, не соответствующим нескольким требованиям: рациональность равно простоте, простоты полезнее излишества, предковые формы снятия строги и привычны, естественные материалы более благоприятны для здоровья, чем сделанные промышленным способом, дерево более полезный для человека материал, чем кирпич, превращена каштанка является экологически чистым и «своим» материалом. Позитивные качества современного дома оцениваются рационально, но не с позиций этиоса, как свойства традиционного дома. Естественно, что рассуждения о возможности превращения современного дома в национальное жилище путем использования традиционной планировки являются абстрактными.

Сопоставление современного и традиционного жилища является частным случаем сращения практического и этического. Примечательно, что типичные мнения по этому поводу коррелируют с типичным соотношением ответов о необходимости и возможности сохранения национальных традиций. О возможности сохранения национальных традиций говорили около трех четвертей опрошенных, тогда как необходимым их сохранять считали только чуть более половины ответивших на этот вопрос. Положительное настроение полагает, что не испытывает потребности в регенерации традиций, в большинстве видит сферу национального не в материальных, а в духовных конструкциях культуры.

По поводу предпочтения этических норм поведения ответы дифференцировались в зависимости от возраста. Молодежь критично относится к национальным обычаям, но в то же время наименее лояльно к азиатским склонны считать, что старшие страдали излишним конформизмом и стеснялись проявлять свои национальные чувства, чем ослабили этические традиции.

Абсолютно всеми признаются ценности гостеприимства, субординации полов и возрастов, высокая значимость народных обрядов. Сокращение сферы народной обрядности считается одной из причин оскудения современной жизни. До 85% опрошенных полагают, что жизнь в прошлом была интереснее настоящей, что свидетельствует о сильной ретрокомпенсации сознания шапсугов.

В числе прочих был вопрос о том, что необходимо для того, чтобы считаться шапсугом. Абсолютное большинство полагает, что националь-

ность человека определяется его поведением, для того, чтобы быть шапсутом следует себя вести как шапсут. Корни данного мышления восходят к понятию *адыгъ хэбз* или *обхэзэ* — адыгство и применительно к конкретному этносу — «шапсутство», кодексу правильного поведения личности. Сущность адыгства трудно выражена и не может быть сведена к основным компонентам — благожелательности, уважению старших и женщин и прочим называемым качествам. Возможно, следует делать акцент на таких свойствах, как личное достоинство и уважение общественного статуса других людей, а также внутренняя сложенность той. Нормы имеют вполне общечеловеческий характер, суть адыгства-шапсутства не столько в них, сколько в указании на обаятельную этичность любого человеческого поступка и подчиненность поведения добро-вольно принятым социальными нормам.

В этом ряду закономерным является ранжирование личных качеств, начинаяющееся от позиции «я» — человеке и ставшее на следующую ступеньку профессиональный или социальный статус человека в равной степени с его принадлежностью к адыгскому миру. Параллельно существует цепочка статусных предпочтений, в котором за позицией «человек» следуют позиции «шапсуг» и фамильной привилегированности. Если испытуемому предлагалось сопоставить две последовательности, то выбор отсутствовал, что, собственно, и было выбрано. Фактически декларировалась «партия» свойств, при которой на первое место ставилось значение человека как субъекта социальных норм, а на второе — его личное участие в выполнении общественных установок. Понятие «шапсуг» для самосознания существует в виде комплекса должностных установок поведения и национальной принадлежности с фоном из чувств национальной гордости (позиция «адыгность» и «этничность культуры») и коллективной гордости (позиция «малочисленность»). Из двух выделенных этнографами подходов к роли этнической идентичности, инструменталистского и проходившего (приморалистического), отношение шапсутов к собственной национальной принадлежности занимает промежуточную позицию, порожденную установкой на наследование ее этнического начала, а нравственно-поведенческого идеала этноса. Возможно, этим объясняется малая доля тех (до 20%), упоминавших язык в качестве признака этноса, при том что безопасность о судьбе родного языка является постоянной темой, поднимаемой местными жителями в разговорах с этнографами.

Национальное самосознание шапсутов отчасти проявляет себя в выборе ценностей общечеловеческого значения. Их перечень аналогичен тому, который использовался для изучения ценностных предпочтений различных народов, в том числе Кавказа¹⁰⁰. На первом месте среди общечеловеческих ценностей находится «здоровье» и «крепкая семья», но зато на

последнем «богатство и достаток», а также «спасение души». Последнее качество расценивается как сугубо индивидуалистическое. В середине списка располагаются ценности «независимость», «образование», «жизнь со своим народом», «сохранение обычая и традиций своего народа». Последовательность их может быть предельно вариативной. Преобладание ценностей, относящихся к качеству существования индивида в семейном окружении, с одной стороны, прямо указывает на предание большего значения в сознании семейных связей, с другой — может рассматриваться как предпочтение инструментальным ценностям. Однако выделение инструментальных колективных ценностей не может означать того, что инструментализм определяет суть жизни шапсутов, именно в силу доминирования этических принципов поведения, свойственных общественному сознанию этноса.

¹⁰⁰ Конду Р. Б. Традиционная культура Северного Кавказа: эпохи времен. Майкоп, 1997.

¹⁰¹ Лебедева М. И. Социально-психологические граничины этнических мигрантов. М., 1993. С. 119.